

БОРИС СУСЛОВИЧ ВАРИАНТ. ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

K R E
S C H A
T I K

International

Literary

magazine

Борис
СУСЛОВИЧ

ВАРИАНТ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Борис
СУСЛОВИЧ

ВАРИАНТ

Проза и поезия

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(569.4)-14
С 90

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Сулович Б.

С 90 Варіант / Б. Сулович — Друкарський двір Олега Федорова,
2024 — 224 с.

ISBN 978-617-8252-94-6

«Варіант»... Что означает неожиданное название книги? Итог — или ожидание? Успех — или провал? Счастье — или горе? Жизнь — или небытие? Мир, облагороженный искусством и любовью — или мир, униженный, растоптанный вездесущим фашизмом? Вариант судьбы. Один из многих. Единственно возможный. Вариант...

УДК 821.161.1'06(569.4)-14

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8252-94-6

© Сулович Б., 2024
© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

ВАРИАНТ ЖИЗНИ

Короткие, ясно исполненные рассказы, сильного эмоционального окраса, точно бьющие в бубен читательского сознания, как в цель.

Тонкость мироощущения словно пропитывает особой поэтической субстанцией короткую прозу Бориса Суловича, собранную в книгу «Вариант».

Собственно, в книге представлены и проза, и поэзия, а рассказы автора поэтичны, иные и воспринимаются... стихотворениями в прозе.

Вот «Картина» — нечто мистическое сквозит в лапидарных описаниях воздействия старой живописи. Вот «Медаль» — семья и бассейн: и плавание... как вариант жизненного преодоления.

В рассказах Суловича всегда мерцает своеобразная сверхидея: о необходимости преодоления себя, скажем, или... о задних планах бытия: тонких, которые сложно почувствовать в космосе косности, в котором предстоит всем вариться.

«Зимнее время» бликует краткими заметками: вспыхивают солнечные пятна постижения реальности, насколько она постижима вообще.

Повествование в снах: как строится «Вариант», давший название книге: повествование плавное, отчасти колдовское, внимательное к деталям мира и деталям душевного устройства человека. Поэтические линии продолжают прозаические:

Шорохов нет и в помине,
Только мотор дребезжит...
Ночь. Посредине пустыни
Медленно движется джип.

Гудящие звуковые вибрации, густо сделанная звукопись...

Словно подчёркивается одной живописуемое: в частности — движение через пустыню, а на деле — будто сквозь уплотнённое, на историю умноженное время.

...вот картина смерти великолепного, грустно-трагического, героикой овеянного Экзюпери:

Растрескавшиеся следы —
Ботинки казённые грубы.
Последняя капля воды
Поранит солёные губы.
Шатаясь, брести на восток
По самой безлюдной планете,
В ноздрях — раскалённый песок,
В ушах — обжигающий ветер.

...тяжело охарактеризованная капля... словно изъятая из вод вечности: они сокращаются, а она... сейчас раскроется для авиатора-писателя.

Мотивы сквозного, онтологического одиночества зажигаются стоической силой:

...Лишь в мартобре повсюду валит снег
В стране, не обозначенной на карте.

Скорбь смешивается с радостью, сплетаются они волокнами: не разделить, как бывает в жизни, как загорается янтарным свечением стихотворение, адресованное «Рыжику»:

Ты слышишь меня, малыш?
Туда, где сейчас ты спишь,
Не всякий проникнет звук —
Лишь сердца тревожный стук
Раздвинет твою тюрьму.
Покрепче к груди прижму,
Погрею. Застывший взгляд —
Там слёзы стеной стоят...

...Вариант — жизни, судьбы, огня и правды, разного: пёстрого вороха бытия ярко представляет Борис Сулович свою книгу.

Александр Балтин, поэт, прозаик, эссеист

ΠΡΟΖΑ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Короткие рассказы

(2011–2014)

ПОЛЁТ

Он проснулся резко, рывком, как по команде. В первую секунду, когда подробности сновидений ещё не успели затуманиться, возникло ощущение потери. Захотелось вернуться в сон, укрыться им с головой. Рука машинально потянулась к мобильнику: так и есть, до подъёма почти полчаса. Если бы можно было управлять временем, не просыпаясь.

Ему снился Днепрпетровск. Он жил там уже давно, хотел вернуться в Израиль, и почему-то откладывал возвращение. Порой даже казалось, что он проживает в старой родительской квартире, которую давным-давно оставил. И спит не в своей кровати, а в крошечной дочкиной, свернувшись, как лента Мёбиуса. Или это был сон во сне. А наяву — то есть в реальном сне — он ночевал в какой-то гостинице, чуть ли не в самом центре города, которую непонятно кто оплачивал.

Целыми днями он бродил по городу. Город совсем не изменился — и в то же время был совершенно другим. Наверное, потому, что изменился он сам. Он заходил в совершенно незнакомое место, поводил головой из стороны в сторону, будто сбрасывая наваждение, и вдруг оказывался там, где любил бывать. В забегаловках подавали те самые блюда, которыми кормили двадцать пять лет назад. В книжных магазинах можно было порыться в завалах, которые давно пополнили городскую свалку. В кинотеатрах специально для него шли допотопные фильмы, он с наслаждением пересмотрел «Профессию-репортёр» Антониони. И трилогию Абуладзе. На «Древе желания» в зале больше никого не было.

Нужно было работать, заниматься каким-то разумным делом. Он заходил в разные конторы, показывал свои документы, но оказывалось, что он работает в Израиле, а здесь в командировке. Целью приезда было «Обретение душевного равновесия». Какое равновесие он мог обрести один, без семьи — непонятно. Несколько раз пытался вернуться, заказывал билет, но в последнюю секунду происходили разные нестыковки: то рейс откладывали на несколько дней, то его не оказывалось в списке пассажиров, то ему возвращали деньги по распоряжению какого-то мифического шефа. А город жил своей нормальной жизнью, самолёты улетали и приземлялись, в том числе по нужному маршруту. Только без него.

Удивляло и другое: он всё время с кем-то общался, но никто не удерживался в памяти. Во время разговора в мозгу будто выстреливало: «Не тот! Не та!» И он уходил посередине фразы, а за ним шли люди-невидимки. Иногда его окликали по имени. Он оборачивался, вглядывался в лица. Казалось, в толпе мелькает что-то своё, родное. Или это ощущение лепилось прямо из воздуха, загаженного, измороженного заводскими выбросами, которым он дышал полной грудью. И никак не мог надышаться.

Тяжелее всего было ночью. Он ложился попозже, один раз даже совершил чудовищный моцион: перешёл на левый берег по старому мосту, потом пёхом добрался до нового моста, опять оказался на правом берегу — и вернулся в номер. Без сил дополз до кровати, но, стоило закрыть глаза, как в них вламывалось садистское израильское солнце, он слышал ивритские слова — и узнавал в этих вязких, затягивающих звуках голоса детей. Опять мерещился аэропорт. Шла посадка. Он лихорадочно искал билет — и не мог найти. Вдруг по радио объявили, что пассажир X приглашается к диспетчеру. Даже в юности он не бегал так быстро. Девушка, чем-то напомнившая

дочку, извинилась за беспокойство и положила на стойку билет. Он едва сдержался, чтобы не поцеловать ей руку. Через минуту проходил паспортный контроль, причём в его документы даже не заглянули. Уже поднимался по трапу в самолёт. Никто не тормозил, не тянул за руку или за душу. И тут что-то сломалось, выпал крохотный винтик, делающий сон похожим на жизнь. В те секунды, что остались до пробуждения, нужно было выбрать между ним и ею. Вдруг стало смешно: разве он может что-то решать? Всё решено. Во сне.

Сентябрь 2011

КАРТИНА

Он зашёл в зал, заполненный большими тёмными полотнами. Картины подавляли. Не показным благородством. Весомостью, несуетливостью каждого мазка. Тут можно было остаться надолго. Но сразу захотелось выйти.

Переходя от полотна к полотну, он почти завершил обход. Что это? Картина властно потянула к себе. Имя художника не говорило ему, юному провинциалу, ничего: Гвидо Рени, «Иосиф с младенцем на руках». Он шагнул ближе. И замер.

«Молодой человек, простите, — пожилая служительница смотрела на него с удивлением. — Разве эта парочка для вас? В соседнем зале испанцы. Там наш Гойя, портрет Антонио Сарате. Изумительный». «Да, да, конечно. Спасибо», — он посмотрел на часы. Оказывается, он простоял перед картиной двадцать минут. Но уходить не хотел. Да и не мог, потому что очутился внутри. Сильный седой старик, он держал на руках мягкое, податливое тельце. Малыш смотрел на него своими глазёнками, лёгкая ладошка касалась бороды, так что можно было почувствовать каждый палец. Иосиф уже не помнил, зачем отошёл в сторону, оставив Марию и спасителя-ангела. Казалось, это крошечное, доверчивое существо светится. Сияет. И света хватает на них, взрослых, на обступающий лес, на дальние горы, на покинутый город. Когда они вернутся домой? И вернутся ли? Какая разница, если, глядя на младенца, он чувствует теплоту ответного взгляда. Да он богат, богаче всех, оставшихся в сытом Назарете. Их дети погибли. А его ребёнок

жив. Чем заплатить за такое счастье? Что он может? Любить. Может, для этого он и родился когда-то? Может, люди и живут только для этого?

Малыш гладил седую бороду. Густые волосы приятно щекотали ладонь. Он смотрел в глаза старика — и тонул в них, погружался в их тёплый омут. В этой воде легко дышалось. Взгляд обволакивал, ласкал, баюкал. Как приятно быть любимым... Может, он и родился только для этого? Разве кто-нибудь сможет его обидеть?

«Молодой человек, мы сейчас закрываемся», — служительница стояла рядом. Огромный зал был пуст. Посетитель вновь глянул на полотно, уже по касательной, снаружи. Вежливо кивнул старушке — и поплёлся к выходу.

Сентябрь 2011

МЕДАЛЬ

«Папа, куда ты гонишь? Всё равно опоздали», — дочка, единственная из всех, продолжала взывать к его разуму. Жена спокойно смотрела в окно. Будущий зять дремал. А он никак не мог смириться с мыслью, что они безнадежно опаздывают. До заплыва меньше часа, оставшиеся восемьдесят километров никак не проехать. Он понимал это не хуже остальных, но стрелка скорости по-прежнему болталась в районе ста двадцати. Если бы не эти светофоры. Попробуй проскочить все на зелёный свет! Оказывается, их страна не так уж мала. А по карте не скажешь.

Наконец-то! Вот он, знакомый поворот. До бассейна считанные метры. Они ставят машину на стоянку и почти бегом входят внутрь. Успели-таки.

Звучит выстрел, и все бросаются вперёд. 400 метров, не шутка. Баттерфляй. Почти со старта двое ребят уходят вперёд: видно, те самые фавориты, которые будут разбираться между собой. Но и сын почти не отстаёт. Нет, они всё же отрываются. Спина, коронка. Разрыв вроде уменьшается, но совсем чуть-чуть. Три разворота — и брасс. Сын четвёртый или даже пятый. Наконец-то кроль. Скорость растёт. Сын снова третий. А фавориты далеко впереди. Идут впритык. Интересно, кто из них будет чемпионом? Всё, финиш. Медаль.

Он сразу почувствовал воду: вроде советчицы, которая подсказывает, что делать. Самое главное было выложиться до конца, но не раньше финиша. Уже после «бабочки» почувствовал, что может ещё нажать — и прибавил. Напора хвати-

ло под завязку. Делая последний разворот, услышал своё имя. Какой жуткий акцент! Отец опять кричал, хотя он миллион раз просил этого не делать. Финишируя, ощущал, знал: получилось. Медаль.

Судья смотрела на ребят, которых предстояло награждать через полминуты. Эти двое будут продолжать. Если повезёт, могут попасть на чемпионат Европы. Или даже Олимпиаду — чем чёрт не шутит. Хотя это вряд ли. А третий парнишка куда не пойдёт, если только не прыгнет выше головы. Бронзовыми медалями хорошо стены обвешивать. Сама когда-то была «вечно третьей». Приятного мало: стоишь на пьедестале, но ступенька — нижняя.

Сын плавал в малом бассейне, чтобы снять напряжение. Отец любил эти минуты, когда воспоминания совсем свежи — и только начинают отдаляться. Какие у мальчика плавные, отточенные движения... Никуда не надо торопиться... Всё и так придёт... Когда-нибудь... Или никогда...

Сентябрь 2011

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

А. Р.

* * *

Солнечные блики скользили по воде. Жена подплывала к сияющей полосе, почти сливаясь с ней. Он стоял на месте и отрешённо следил за удаляющейся фигурой. Внезапно услышал: «Эй, ты заснул там?» Ничего не оставалось, как пуститься вдогонку.

* * *

«Меня зовут Анна», — девушка откинулась на спинку кресла, вытянув длинные ноги. «Чуть моложе меня, — подумал он. — Интересная девчонка, только понта много». Ничего сверхъестественного в тот вечер не произошло. Кажется, он увязался кого-то провожать. К новенькой даже не подошёл. Зачем?

* * *

Телефон зазвонил в полдевятого. Кто это в такую рань? В воскресенье? С трудом разлепив веки, он взял трубку — и удивился ещё больше: «Извини, просто не могла удержаться. Какая девушка! Держись за неё руками и ногами». Полина, жена приятеля, была сдержана и немногословна. Как всегда. Опять лёг, но сна как не бывало. Оказывается, можно наслаждаться, когда хвалят не тебя.

Они встречались всего два месяца. Вначале ему казалось, что это временно. Но Аня вошла в него, как нож в масло. Он считал минуты до каждого свидания. Смотрел на неё — и не мог насмотреться. Целовались без конца, иногда посреди улицы. Как школьники.

* * *

Они шли по переходу между этажами тбилисского универмага. Почти вровень. Жена изящно несла свой семимесячный живот — и он с нескрываемой гордостью наблюдал за её походкой. Навстречу двигалась старушка. Поравнявшись с ними, оторвала взгляд от земли: глаза у божьего одуванчика были ясные, цепкие. «Девку родишь», — выпалила без малейшего промедления. В ту же секунду её глаза потухли, старуха вновь устала в пол — и пошкандыбала дальше.

Они одновременно посмотрели друг на друга. Жена засмеялась. Не обращая внимания на проходящих мимо, он аккуратно обнял обеих.

* * *

«Тавии бэн! Ат роца бэн?¹» — женщина кричала с расстояния в десять метров. Они пошли на рынок за покупками, «на покупки», как говорила дочка. Как жену разглядели в густой толпе? Израильтянка была примерно их лет, весёлая и симпатичная. «Кэн, тода»² — ответил он на своём убогом иврите.

«Вспомнила Тбилиси?» — обратился к жене. «А я не забывала. Пошли, здесь дорого. Может, найдём что подешевле».

---

¹ У тебя будет сын! Ты хочешь сына? (*иврит*).

² Да, спасибо (*иврит*).

* * *

Солнце садилось. «Почему так рано? — подумал он. — Ах, да: сегодня перевели часы. Зимнее время».

Они поднимались по лестнице. Только что их коснулся слабенький луч, наверное, последний: солнце слилось с горизонтом — и начало медленно погружаться в воду. На верхней ступеньке он обернулся — сзади уже ничего не было.

Октябрь 2011

КОЛЯСКА

Девочка хотела домой. В свою кровать, свою квартиру, свой дом. Куда всё пропало? После прогулки её, как обычно, уложили спать. А сейчас... Она лежала в тесной комнате, где вместо двери почему-то было зеркало. В ушах стоял противный повторяющийся стук, картинки за окном беспрестанно менялись. Папа сидел напротив и смотрел на неё. А в проходе стояла любимая коляска.

«Проснулась, лягушка-путешественница? — папа чему-то радовался. — Давай ужинать». Она поела и почувствовала, что снова хочет спать. Куда они едут? И когда вернутся домой? Почему её постоянно что-то дёргает? И эти убегающие картинки за окном... Когда смотришь, глаза болят... Лучше совсем их закрыть.

«Станция Вылезайка. Вставай», — она посмотрела в окно и удивилась: никто никуда не ехал. Снаружи стояла одна и та же картинка: большущее здание с буквами на нём. Некоторые буквы она знала. Папа начал вытаскивать вещи. Её посадили в коляску и повезли. Неужели домой?

Они сидели в машине. Незнакомый водитель называл бабушку по имени. И всё время интересовался Израилем, куда они, оказывается, едут. Последние несколько месяцев она слышала это слово каждый день — и никак не связывала с собой. Оно относилось только к взрослым.

Машина остановилась. Её привели в чужую квартиру — и она несколько раз обежала её. Опять захотелось спать,

а коляска осталась у папы. Пришлось лечь в кровать. Было неудобно, но уже через минуту это не имело значения.

Она проснулась от голода. Не успела поесть, как они снова сели в машину и поехали. Наконец, перед ними появился светлый стеклянный дом, куда они зашли.

Внутри её встретили папа с мамой. И любимая коляска. Но прежде, чем сесть в неё, захотелось понять, куда же её всё-таки привезли.

«Хватит бегать, хоть капельку отдохни. Ещё набегаешься, когда прилетим», — папа уже не шутил, был серьёзен и даже чем-то озабочен. Но ей и самой надоело носиться взад-вперёд: всюду были чужие люди со своими вещами. Зачем они ей? Лучше послушать папу и лечь в коляску. Закрыть глаза и вспоминать, как они катались по двору. Вчера...

Её разбудил ветер. Они стояли перед странной длинной лестницей, которая куда-то вела. «Не бойся, маленькая, это самолёт. Мы сейчас полетим. А ты будешь в окошко смотреть — и всё увидишь», — папа опять улыбался. Почему он всегда знает, о чём она думает? Неужели потому, что мама зовёт её папиной дочкой?

— Я вам третий раз объясняю, что коляску надо сдать в багаж. Ваша девочка большая и вполне может обойтись без неё, — высокий дядька в красивой форме говорил громким, обиженным голосом.

— Да вы посмотрите на эту «большую», — папа не собирався соглашаться, — Она весь полёт будет требовать свою коляску.

— А вы попробуйте. По-моему, вы на свою дочку наговариваете.

— Ну, давайте. Попробуем — папа действительно разозлился. Но ведь не на неё же!

«Доча, твою коляску надо отдать. Поняла, маленькая? Давай, я помогу» — папа был совсем серьёзен, но подмигнул ей. Почти незаметно.

Девочка мгновенно разревелась. Что это, в самом деле? Увезли из дома. Сажает в какой-то самолёт. Так ещё и коляску отдавай?

— Ладно, берите вашу «Мальвину», — дядька отвернулся в сторону и махнул рукой. — Не до вас.

Они сидели в самолёте. Папа с мамой — в креслах, она — в коляске. Её кресло было свободно. «Всё, дочура, сейчас взлетаем, — папа лёгким движением поднял её, посадил в кресло и застегнул ремешок. — А наверху, если захочешь, вернёшься назад».

«Конечно, — подумала девочка. — Я же лягушка-путешественница. Интересно, кто это?»

Октябрь 2011

ВЗГЛЯД

Памяти Н. Мезенцевой

Он лёг в постель, потянулся и закрыл глаза. Сон не шёл. Не было никакого намёка на стремительное погружение в самого себя, которое он так любил. Глаза открылись. Пришлось вернуться к тому, что уже закончилось. Сегодня.

О том, что Неля умирает, он узнал почти случайно: они учились в разных классах и виделись нечасто. Он не очень-то обращал внимание на девчонок. Но эта была заметна. Она проносилась по коридору, как вихрь, оставляя за собой маленькие волны. Ему как-то захотелось побарахтаться на такой волне. «Что, нравится Нелька? — спросил одноклассник, проследив за его взглядом. — Дурило, мы для неё — мелюзга». А потом Неля пропала. Она не ходила в школу больше месяца, когда он услышал от одной из её подружек: саркома.

Видеть Нелю в гробу было дико. Как будто там лежала кукла, лишь чем-то её напоминавшая. Одноклассники говорили один за другим, благодарили умершую и обещали помнить всю жизнь. Он слушал и не понимал: зачем они твердят одно и то же? Разве такую девочку можно забыть?

Сейчас он сидел в кровати и думал, думал, думал. Конечно, все люди рождаются и умирают. С первого аккорда он различал похоронный марш — и старался обходить процессии стороной. Но до сегодняшнего дня никак не сопоставлял смерть с собой. Пятнадцать лет, только вчера он был ребёнком. А Неля старше всего на год! Её, весёлую, шумную, быст-

рую, запихнули в деревянный ящик. Никто больше не сможет назвать девочку по имени. Услышать, увидеть, полюбить. Как же это?

Он смотрел в темноту и изо всех сил гнал от себя мысли. Но они никуда не уходили. «Почему мы умираем? Кто это придумал? Почему я... я... Я... должен... обязан умереть? Для чего тогда жить? Что делать, если смерть свалится на меня? Или уже валится? Пока я сижу и смотрю вокруг, жизнь уходит... Почему вокруг так темно? Включить свет? Как дойти до выключателя? Что меня там ждёт?»

Мальчик медленно, осторожно закрыл глаза. Внутри что-то острое, режущее, разгладилось, размякло. Ему вдруг стало лет пять, не больше. Неля сидела рядом и легонько сжимала его руку. «Не бойся, малыш, — слышался знакомый голос. — Спи. Ночью всем надо спать. Как же иначе?»

Октябрь 2011

ПАУЗА

Слова приходили одно за другим и незаметно складывались в предложения. Человек записывал их в момент появления. Стоило поторопиться или замешкаться — корявое, двусмысленное слово застревало во рту. Наступала пауза.

Однажды пауза затянулась на двадцать лет. Всё, что было до неё, забылось, и она стала жизнью. Предсказуемой. Без загогулин и выкрутасов. Временами почти счастливой. Чужой.

Октябрь 2011

ВОЛНОРЕЗ

Волны налетали на камни и, перемахнув, устремлялись дальше. Пловец вплотную приблизился к камням и встал на один из них. Пальцы быстро ощупывали шершавую поверхность, густо поросшую липкими морскими водорослями. Неожиданно рука скользнула внутрь: довольно глубокое отверстие, настоящая зацепка — вспомнился термин скалолазной юности. Теперь никакая волна не была страшна.

Он стоял во весь рост и смотрел вокруг. Из десятка волн только одна, разбившись о волнорез, ещё сохраняла какой-то напор. Остальные катились к берегу уже по инерции. Чтобы исчезнуть, даже не оставив следа на песке.

Пловец закрыл глаза и слушал заунывную, не поддающуюся расшифровке какофонию — почти гениальную импровизацию воды. Волны раз за разом накрывали его с головой. В эти моменты и он чувствовал себя волной, летящей по водяному полю. Нет в мире никаких волнорезов, даже того, который поджидает за горизонтом. Чтобы одним ударом лишить сил и швырнуть на берег, где замирает любой полёт, самый привольный и безоглядный.

Октябрь 2011

ЖУРАВЛЁНОК

Журавлёнок стоял у воды и смотрел в море. Издалека можно было подумать, что белая птица — манекен, настолько плоской и неподвижной казалась эта фигурка. Но стоило приблизиться к ней, как она оживала, взмывала вверх и оказывалась далеко.

Никто не знал, как он появился здесь. Наверное, отбился от одной из стай, избравших приморский город для последней остановки перед многодневным перелётом. Может быть, малыш заболел. Или взрослые решили, что ему не хватит сил — и он остался. Скоро новенький познакомился с местными птицами. И юркие чайки, и жирные голуби даже не пытались его обидеть. Он привык и к собственному одиночеству, и к тому, что не похож ни на кого из здешних обитателей: ни снежной белизной перьев, ни длиннющими ногами, ни худобой. Иногда ему мешали дети, которые бегали по берегу и бросали в него всякий мусор. Наверное, они просто дурачились. Но он сразу перелетал на другое место.

Человек появился неожиданно. Он не подходил к журавлёнку, а стоял неподалёку. Перед ним была какая-то доска. Журавль привык к странному незнакомцу и уже не удивлялся, что тот приходит каждый день и подолгу смотрит на него. Прошла неделя, другая. В одно утро человек повернул деревяшку, а сам отошёл в сторону. Журавлёнок увидел белую птицу и приблизился. Птица оказалась похожей на него. Бывало, он видел своё отражение в воде, но оно всё время меня-

лось и покрывалось плёнкой. А здесь всё было ясно. Крылья птицы казались большими и сильными. Такая могла улететь куда угодно. Не то, что он.

Ночью журавлёнку приснилось небо. Не это, синее и тёплое, к которому он почти привык, а то дальше, северное, откуда он когда-то прилетел. Его продувал забытый холодный ветер. И он, чтобы согреться, летел всё быстрее и выше. «Давай к нам, — кричали отовсюду взрослые птицы. — Ты вырос. Справишься!»

Октябрь 2011

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сын ещё раз наполнил ведёрко водой и вылил в него остаток чистящего средства. Вновь яростно заработал тряпкой. Грязь, казалось, навсегда въевшаяся в камень, исчезла. Памятник выглядел почти новым. Лишь дата осталась прежней.

Он вспомнил тот апрельский день. Утром позвонила мама. Ночь прошла спокойно. Пошёл на работу. Вечером уже был в больнице. Ещё ничего не понимая, смотрел на пустую койку. «Мать в коридоре», — сказал сосед по палате, отводя взгляд. Через секунды всё выяснилось. Отец лежал в мертвецкой. Тёплый.

Потом была суэта похорон, неожиданно многолюдных. Могильщики работали споро. Когда уходили с кладбища, мама прошептала: «Такой маленький папа — и такая огромная яма». Только он услышал эти слова.

Через несколько лет их будто размазало по разным странам. В родном городе остались одни могилы.

На портрете отец был молодым, гораздо моложе, чем сын сейчас. Поймать взгляд, направленный куда-то в сторону, казалось невозможным. А сыну мечталось, чтобы его увидели, услышали, поняли. Хотя бы здесь, в зоне действия «доступного духа». Смотреть глаза в глаза — и говорить, говорить. Чтобы папа узнал обо всём, что произошло без него, в их скособоченной, несуразной и прекрасной жизни. Чтобы проживал её вместе с ними день за днём. Все тридцать лет. И дальше, до самого конца.

Октябрь 2011

ПРИГЛАШЕНИЕ

Явно собирался дождь — а зонтик остался в общежитии. Хотя музей был совсем рядом. Забегая внутрь, радовался: совсем не намок, несколько капель не в счёт. Повезло.

Поездка была спонтанной, неожиданной для него самого: вдруг захотелось слетать в Ленинград, хотя бы несколько дней подышать воздухом любимого города. Почувствовать себя не студентом-пятикурсником, старательно долбящим выпускной проект, а кем-то другим, взрослым и независимым.

Три дня промелькнули, и посещение музея было приправлено горечью завтрашнего отъезда.

Проходя по залам, он увидел небольшую группу, стоящую вокруг худенькой, миниатюрной женщины. Голос экскурсовода, напротив, был силён, звучен. Он невольно притормозил — и присоединился к слушателям.

«Удивительная пара, не правда ли? Юноша, прекраснолик, но не прекраснодушный. Старик знает ему цену, но всем сердцем любит его. Мы не знаем, что победит: разум или чувство. Или уже знаем? Посмотрите, как сделан фон картины, как сам воздух пропитан тревогой и обречённостью».

Группа начала двигаться дальше, лишь он жадно, торопясь, смотрел на полотно. Слова экскурсовода уже стали единственно возможным объяснением. Частью картины.

Они переходили из зала в зал, а он чувствовал себя рыбой, заглотившей наживку. Женский голос вёл за собой, вдаль и вглубь самого себя.

Экскурсия кончилась, группа тут же рассеялась, и они остались вдвоём. Впрочем, уже несколько минут казалось, что рассказ обращён к нему одному.

«Вы хорошо слушаете... У меня есть немного времени. Хотите, расскажу об Андрее Рублёве?» Он радостно, признательно кивнул. Казалось, прочитаны его тайные мысли.

Они прошли через несколько залов и остановились. Он замер, боясь пропустить каждый услышанный звук. Внезапно картины приблизились к нему, распахнулись наружу. Рядом появился пожилой монах с кистью в руке. Полотна возникали в реальном времени, и художник рассказывал о них. Удивительно красивым женским голосом.

Наваждение исчезло. Вокруг снова был музейный зал, по нему проходили какие-то люди. Нужно было сделать усилие над собой, чтобы понимать обычные слова.

«Через пять минут новая группа. Давайте познакомимся, пока не попрощались. Меня зовут Наталья Ивановна Жарикова». Он назвал своё имя.

«Вы надолго к нам?» «Нет, скоро уезжаю». Сказать «завтра» не хватило духу. «Вот, возьмите, — Наталья раскрыла сумочку и достала красивый буклет. — До встречи». Её каблучки застучали, удаляясь.

Он прочитал заголовок: «Выставка русской иконы, XIII–XVII вв.». Показ начинался через два дня.

2014

ПОСЛЕДНЯЯ

Лоре

Мы были очень близки. Вплоть до того, что я казался сестре частью её жизни. Она уже не мыслила себя без еженедельных встреч — и постоянных телефонных разговоров. Хотела знать, чем я занят каждую минуту, когда мы врозь. Ничего материнского в этой заботе не было. Скорее, не очень-то скрываемый женский интерес, наглухо заблокированный близким родством. Правда, в нашей семье был случай «двоюродного» брака. Но без двадцатилетней разницы в возрасте.

Сестра хотела гордиться мной, а я не давал повода. И она, едва ли не единственная, упрямо верила, что серый мышонок проявит себя. Неважно, в чём. Но моё светлое, успешное будущее было её главным желанием.

А потом я женился — и заговорил об отъезде. Саму мысль она восприняла в штыки. Не то, чтобы была рьяной советской патриоткой: для этого слишком много было пережито и передуманно. Но для неё понятие родины оказалось не подверженным временной девальвации. Как цвет глаз, форма носа, графа в паспорте. Та самая, пятая.

Мы уехали. Пошли звонки — и письма. Она пыталась понять нас, вживающихся в новую жизнь, новую страну. И не могла. Ведь для неё другого места на земле не было. Только двухкомнатная квартира на последнем этаже невзрачной хрущёвки. Квартира, в которую я приходил сотни раз, в которой мы разговаривали, спорили, ругались. Забывая, что каждый миг нашего общения, нашего соприкосновения — счастье.

Потом уехал мой брат. А сестра по-прежнему разговоры о каких-то изменениях, какой-то перемене места жительства облущивала, как кожуру от семечек. Несмотря на обступающие со всех сторон болячки — и неотвратимое, сплошное одиночество, которое не могли скрасить самые верные друзья.

Она умерла после неудачной операции. Мы узнали об этом слишком поздно.

Среди провожающих никого из родных не было. Никого.

А в мою память навсегда врезался эпизод папиных похорон. Совсем не старая, красивая женщина разбрасывает вокруг себя крупные тюльпаны. Её движения плавные, заторможенные, потусторонние. Она хоронит не только умершего, но и саму себя, ещё полную сил и желаний. Впрок.

2014

ВОРОНКА

Рассказы

(2010–2015)

ВСТРЕЧА

— Алина Аркадьевна, за что единица?

— Честно заработал, Петенька. Синус с косинусом перепутал? Перепутал. Когда я новый материал объясняла, ворон за окнами считал? Считал. Так что до двойки недотянул. Там в дневнике всё написано, можешь почитать. Пусть мать приходит. Так и передай: жду не дождусь. Всё, свободен.

Ученик вышел, грустный и подавленный. Конечно, он привык к выволочкам. Но математичка так с ним ещё не разговаривала. Самая молодая училка в школе. Было обидно: никаких ворон он не считал. Просто смотрел на неё. Смотрел, а не слушал.

Алина была недовольна собой. Вдруг захотелось курить. Странно: она бросила ещё на последнем курсе, почти два года назад. Ну вот, наехала на мальчика. Туповат, конечно, но ведь можно было иначе объяснить. Ласковой. А всё потому, что дурацкий токсикоз замучил. Уже восьмая неделя, нужно немедленно что-то решать.

«Что-то» означало аборт. Сегодня утром, перед уроками, опять встретила Олега: их классы были рядом. «Алинка, когда увидимся? — быстро спросил он. — Соскучился, честное слово». Она молча прошла мимо. Папаша. Спать с ним было, пожалуй, приятно. Но рожать от этого племенного бугая? К тому же перед их первой встречей, которую девушка про себя именвала «случкой», он зачем-то уточнил, что она ему «дико нравится как дополнение к семейной жизни». «Вот сучок», — Али-

ну передёрнуло. Впрочем, в постели примерный семьянин оказался «на уровне» — и его болтовню захотелось забыть. Встречи продолжались. И всего-то один раз она не взяла с собой пилули. Когда Олежек на большой перемене сказал, что сегодня квартира друга свободна, машинально кивнула. Понадеялась, что пронесёт, кретинка. Вот и получила.

Положение было однозначно-безвыходное. И всё равно казалось, что этого незадачливого человечка, затесавшегося внутрь, можно как-то спасти. До позавчерашнего разговора с матерью.

— На меня не надейся, — мама говорила почти враждебно.

— Ты что, не хочешь внука?

— Ещё как хочу! Но не байстрюка. Вот телефон хорошего врача. Позвони и договорись.

Она послушно взяла бумажку. Потом, проверяя тетрадки, всё время повторяла про себя обычный, ничем не примечательный номер. Как приговор.

На следующее утро позвонила. Врач был немногословен: «Да, я в курсе. Какой срок?» Она ответила. «Так тянуть нечего. Вы окончательно решили?» Алина промямлила что-то утвердительное. «Приезжайте завтра днём. Спросите меня». Оставалось только положить трубку.

Она ехала в троллейбусе и старалась не думать. Так проще. Уставиться в окно — и не видеть ничего, кроме своего дрожащего отражения. «Привет! Ты что, не узнаёшь меня?» Алина не сразу поняла, что к ней обращаются. «Ой, Рома, извини. Просто задумалась». Они пару раз встречались у её школьной подруги. Роман, как и Рита, был пианистом. Алина даже где-то читала о нём, как о подающем надежды. Впрочем, музыка — при отсутствии музыкального слуха — её никогда не интересовала.

— Как дела, Алинка? — почему-то показалось, что вопрос был не только данью вежливости.

— Да ничего, живу себе. А ты?

— Женился вот. Третья неделя пошла.

— Да, Ритка говорила. Жена музыкантша?

— Что ты? Нет, конечно. У кого-то в семье должна быть серьёзная профессия.

— Неужели учительница?

— Ну, не настолько серьёзная, — Роман засмеялся. — Клара строитель.

— И какие успехи в семейном строительстве? — Алина поймала себя на том, что настроение изменилось: даже пошутить захотелось.

— Сплошной медовый месяц: дуэт для скрипки и альта. Есть такое классное стихотворение. Бывай, Алинка. Ритуле привет, — он махнул рукой и вышел.

«А моя остановка — через одну», — Алина провожала Рому глазами, пока его лёгкая, вёрткая фигура не скрылась за углом. Троллейбус тронулся, быстро набирая скорость. «От него бы я родила, — подумалось почему-то. — Что бы там мама ни говорила. Ладно, проехали».

2012

ИНФАРКТ

Памяти отца

Воздуха не было. Каждая попытка вдохнуть отдавалась внутри, будто по застрявшему в горле горячему кому проводили наждаком. Сердце то заполняло всю грудь, то куда-то пропадало. Давид с трудом повернулся и посмотрел на будильник. Три. Медленно встал и сделал несколько шагов по комнате. Ему показалось, что стало легче. А вдруг пронесёт?

Это началось несколько дней назад. Он вроде в шутку сказал, что чувствует тяжесть в спине. Жена шутить не собиралась: «Нужно провериться. Это сердце...» Он отмахнулся: «Я ведь только месяц назад обследовался. Ничего не нашли. Здоров». О том, что на работе почувствовал внутри режущий удар — под дых — говорить не стал. Он тогда попросил у кого-то папироску, хотя не курил уже десять лет. Легче не стало. Правда, потом его отвлекли — и боль незаметно ушла. А сейчас вернулась. Удесятерённая... Что было в последние дни? Ничего. Кроме разговора с директором. Тот проходил мимо его рабочего места — и вдруг остановился.

— Как трудится наш пенсионер? Не тяжело?

— Спасибо, Григорий Иванович. Справляюсь.

Убедившись, что их никто не слышит, бывший сокурсник подошёл ближе.

— Не устал заниматься галиматьёй? К себе не тянет?

— Тянет. А что толку?

Потом долго не мог успокоиться. И так по утрам ему приходилось переламывать себя, без конца напоминая, что цех, в котором знал каждую пылинку, больше не его. Свою нынешнюю работу в палате мер и весов — гирьку туда, гирьку сюда — временами ненавидел. Но зачем Гриша заговорил об этом? Неужели потому, что в незапамятные студенческие времена Давид учился лучше? Да и начальником цеха стал раньше. Когда-то. Были и мы рысаками...

Он вставал, потом садился на кровать, пытаясь найти какую-то неведомую, спасительную позу. Но боль находилась всюду, будто воздух только-только зародившегося октябрьского дня был уже заряжён ею. Нужно позвонить Поле. А что сказать? Что не смог перетерпеть двух часов до окончания её дежурства? Неужели он настолько ослаб? Стыдно...

Давид лёг, закрыл глаза — и увидел жену. Она говорила с кем-то по телефону. Никаких слов нельзя было разобрать, но сам голос действовал успокаивающе. Как снотворное...

Вдруг прямо в ушах застучало что-то тяжёлое, грубое, настырное. Будильник, всего-навсего будильник... Он повернул голову: начало шестого...

Почти на автопилоте встал и подошёл к телефону. Поля ответила сразу. Повезло.

— Полечка, приезжай, — Давиду казалось, что говорит кто-то другой.

— Болит? — Жена скорее утверждала, чем спрашивала. Неужели его выдаёт голос?

— Да, — говорить становилось всё труднее, слова застревают в горле.

— Давно?

— Третий час.

— Давидка, родной, не волнуйся. Позови Лизу.

Он потащился в соседнюю комнату, где спала семнадцатилетняя дочь. Услышав слово «мама», Лиза тут же встала.

— Папочка, пойдём — ляжешь, — вид у девочки был решительный... и испуганный. — Мама уже едет.

Ему казалось, что он не успел прилечь, как раздался звонок в дверь. Дочка, сидевшая рядом, кинулась в прихожую.

В спальню вошла жена — и с ней черноволосая женщина с маленьким чемоданчиком, который раскрылся будто сам по себе.

— Ничего не говорите, Давид Израилевич, — врач вела себя так, будто они давно знакомы. — Сейчас будет легче.

— Что, Сана? Инфаркт? — голос жены слышался, как сквозь сон. Боль неожиданно отступила.

— Похоже, да. И немаленький. Я сделала укол. Будем везти?

— Одну секунду, — Полина подошла к кровати и внимательно посмотрела на мужа. — Да. Зови санитаров.

— Полина Абрамовна, можно выносить? — тихий голос вошедшего в комнату мужчины не вязался с его крупной, сильной фигурой.

— Конечно, Кирилл. Приступайте.

Давид раскрыл глаза. Чьи-то руки ловко выбрали его из кровати. «Зачем? — возмутился внутри двойник, здоровый и сильный. — Я сам».

Санитары медленно спускались по лестнице. Лежать на носилках было неудобно. Точным, экономным движением больной поправил собственное тело.

Возле подъезда стояла «неотложка». Увидев выходящих людей, водитель включил мотор. Жизнь продолжалась.

2012

ВОРОНКА

Сегодня

Автобус просквозил мимо. Водитель был тот же. За последние два года мы как-то привыкли друг к другу: частенько я подбегал в последнюю секунду, и он открывал мне дверь уже на ходу. Водитель тот же, маршрут тот же, вот только мне в другую сторону: безработные на работу не ездят. Ходят на биржу отмечаться. Пешком.

Полгода назад

Нужно взять себя в руки. Я же вылечу. Стоило вкалывать два года, чтобы пустить всё коту под хвост? Кто мне Пушкин, в конце концов? Родственник по прямой? Скорее, по ломаной. Я же думаю о нём с утра до вечера, даже когда говорю на иврите. Надо быть последним кретином, чтобы влезть с потрохами в позапрошлый век, где моих предков русские дворяне, даже без шестисотлетней родословной, на порог не пускали. Писать о Пушкине? От имени Пушкина? Да он бы меня обложил с головы до ног на двух языках минимум. Быстренько помог бы забыть обо всём. «Да, да, забыть — и поскорее. Не думать о будущем — его нет. Не видеть людей вокруг. Пусть всё валится из рук. Пусть нищета глядит изо всех дыр и воет в ушах, как зимний ветер. Только как смотреть на детей, которых пустил по миру? На жену, которая непонятно на что надеется? На себя самого?»

Я свихнулся окончательно. Уже пять! День, считай, прошёл.

Пять лет назад

Такого не было со мной не помню, сколько лет. Это что, вдохновение? Разве оно приходит, когда переводишь чужие стихи? Или Моисей Тейф — не чужой? Сколько мне было, когда читал его впервые? Девятнадцать? Не верится, что можно быть таким молодым. И стихи были молодые. И переводчица, Юнна Мориц. Да и сам Тейф не успел состариться. Умереть — да, но не состариться. Поэты вообще не стареют. Пока живут.

Что было вчера? Только сел в поезд, идущий домой, как на меня накатило. Достал рукопись и начал черкать. За полчаса перевёл двадцать строк. Так не бывает... Бред... Графомания...

Двадцать лет назад

Мы уезжаем. Билеты куплены, через неделю отправим багаж. Почти всё продано, даже машина. Странно, я уже считаю наш отъезд чем-то свершившимся, хотя полтора года назад, получив вызов, хотел избавиться от него или хотя бы отложить на несколько лет. Дочке полгода — куда ехать? В стране всё меняется, даже наблюдать интересно. А участвовать?

Непонятно... Всего полтора года назад я не чувствовал между собой и тем, что вокруг, никакого зазора, ну, почти никакого. Что же произошло со мной? Когда я начал смотреть на родную страну, на соседей, сослуживцев, просто на людей, встреченных на улице, будто со стороны? А на свою жизнь здесь — как на черновик? Я не помню, в какой день это произошло. Но, как только я увидел в письме, пришедшем на мое имя, незнакомое слово «Арад», пути назад уже не было. Потом, когда дочка бегала по двору синагоги, и кто-то пошутил: «Так она до Израиля добежит», — мы с женой даже не улыбнулись. Добежит или долетит — какая разница? Мы не хотим

для неё жизни, похожей на нашу. И в то же время так хочется, чтобы она запомнила всё, что её окружает сейчас. Глупо, правда? Что можно запомнить в два года? Но я раз за разом захожу с ней в мой школьный двор и показываю скромную четырёхэтажку, в которой отучился десять лет. Мы часами гуляем по нашим узеньким улицам, и я повторяю название каждой из них. Эти привычные с детства слова: «Ясельная», «Сивороновская», «Красноармейская», «Радистов». Как будто вновь прохожу по ним, возвращаясь из школы. Зачем они ей? Она же в Израиле всё забудет через месяц. Или я делаю это для себя?

Сорок два года назад

«Зиновий... а отчество?» — спрашивает воспитательница. Она не понимает, почему вполне нормальный неглупый мальчик молчит. Я тоже не понимаю, как это произошло. Ведь я ничем не отличался от других ребят из нашего отряда. Мы купались, играли, веселились. И вдруг... Кто это придумал? Кому понадобились имена-отчества наших родителей? Ещё до того, как ко мне обращаются, я чувствую страх, который возникает где-то в кончиках пальцев и будто обручем сдавливает голову. Почти машинально я выдавливаю из себя папино имя. Но отчество!? Я не могу произнести его. Это слово уже год с утра до ночи мурыжат на всех перекрёстках. А сейчас оно оказывается моим. Частью меня. Всё, что было близким и привычным: широкая река с уютной купальней, аккуратно размеченная пионерская линейка, где мы стояли всего несколько минут назад, прохладная кровать, куда я должен лечь через два часа, светлый, весёлый лес и даже стоящее рядом облупленное дерево — становится недоступным. Мне напоминают, что я — чужой. Агрессор. Враг.

Ребята видят, что происходит что-то странное. Пустяшное, минутное дело застопорилось. Они решают, что я забыл, и начинают мне подсказывать. Варианты сыплются со всех сторон: «Зиновий Иванович... Зиновий Николаевич... Зиновий Петрович... Зиновий Федорович...». Почему-то именно это небрежно брошенное «Федорович» я воспринимаю как оскорбление. Становится нестерпимо стыдно. Хочется провалиться сквозь землю, раствориться в воздухе. Исчезнуть.

«Что с тобой?» — наконец-то воспитательница внимательно смотрит мне в глаза. И замолкает. Не знаю, что она там видит, но меня сразу оставляют в покое.

Перед утренним построением мы сталкиваемся. «Вспомнил?» — быстро спрашивает она. «Израилевич» — выталкиваю я ненавистное слово.

Через три недели мне исполнится тринадцать. Я понятия не имею, что это еврейское совершеннолетие. И что вчера, в тёплый августовский вечер, оно было отмечено. По-советски.

Пятьдесят три года назад

1

Как приятно просыпаться... Смотреть по сторонам и ждать, когда к тебе подойдут. Можно даже немного пошуметь. Но дедушка и так придёт. Когда я вижу его, хочется кричать от радости. Какой он большой и красивый! Какие у него ласковые руки! Какой чудесный голос! Как он похож на маму. Как давно я её не видел. Уже много дней. Он поёт мне песни на своём языке, который я начинаю понимать. На моём языке они почти не говорят, ни дедушка с бабушкой, ни дядя с тётей. Только сестрёнка тарыхтит на двух языках сразу. А я пока что мало говорю. Только слушаю и улыбаюсь. Дедушка вынимает меня из кровати и целует. А я целую его.

Сегодня мы долго катались по двору. Наконец, поехали на улицу. И почти сразу дедушка встретил знакомую. Они стояли и говорили. Я слышал мамино имя и несколько раз моё. Интересно, что такое «киндерлех»¹. Потом мы вернулись домой. Какие там вкусные запахи! А мне ничего не дают, разве что чуть-чуть. Опять молоко из бутылки.

2

Почему дедушка должен работать? Он каждый день уходит утром и возвращается только вечером, уже уставший, и подходит ко мне лишь ненадолго. Бабушка остаётся дома. Целый день она шьёт. Или убирает. Или готовит что-нибудь покушать. Она ничего не читает, а дедушка часто читает газеты или книги. Бабушка красивая и добрая, но мне с ней скучно. Вот когда приходит сестрёнка, подбегает ко мне и говорит на своём непонятном языке, наполовину моём, наполовину дедушкином. Она весёлая, с ней интересно. Но не так, как с дедушкой. Я бы смотрел на него всё время. Чтобы он был только мой. Ну ладно, пусть и сестрёнкин, она так смешно тянет его к себе. А я не тяну. Только крепко держу за руку, когда мы гуляем по двору. Я хотел бы выходить на улицу, но туда без коляски меня не пускают. А сестрёнка бегаёт, где хочет, и тётя или бабушка гоняются за ней. Я хочу, чтобы и за мной гонялись. Но не дедушка. От него я никогда не буду убегать. Только бы он никуда не уходил.

3

Приехала мама. Они сидят рядышком и разговаривают. Я всё понимаю. Оказывается, я уже большой, и пора забирать меня. Дедушка просит оставить ещё. Потому, что ему совсем не

---

¹ Киндерлех — детишки (*идиш*).

тяжело сидеть со мной, что я ни разу не болел, окреп и стал ещё больше похож на папу. Интересно, согласится мама или нет? Я никуда не хочу уезжать. Только бы мама осталась здесь. И привезла сюда папу. И брата. Он хоть и не такой смешной, как сестрёнка, но тоже забавный. Если я стал большой, то почему меня не спрашивают? Почему всё решают сами?

4

Мы едем домой. Дедушки с нами нет. Я плачу. Мама успокаивает меня, говорит всякие ласковые слова на дедушкином языке. Дедушка сказал ей, что я всё понимаю. Я не хотел от него уезжать. Я не хотел отпускать его руку. Зачем мама это сделала? Разве я плохо себя вёл?

Мама говорит, что летом дедушка приедет к нам, что дома меня ждут папа и братик, что они страшно по мне соскучились. Зачем она говорит это? Что я — сам не знаю? Что я — маленький?

2010

ПОПЫТКА РОДОСЛОВНОЙ

(ОТРЫВКИ)

Памяти родителей

От автора

На оборотной стороне брачного свидетельства, выданного моим родителям 8 декабря 1946 года, два уточнения: «отчество жениха — Израилевич, отчество невесты — Абрамовна». С именами проблем не возникло: Залман, сын Исроела и Леи, уже был Зиновием; а Голда, дочь Аврума и Брайны — Галиной.

Племянник (1903)

— Не отдам! Ни за что не отдам! — Фейга впервые в жизни кричала на мужа. — У него ещё одиннадцать детей. Пусть едет с ними, куда хочет.

— Да что с тобой? Успокойся.— Мойше-Лейб раскраснелся и был совсем не похож на солидного школьного учителя.— Твой брат разрешил Авруму учиться у меня. Но он не собирался дарить нам сына.

— А почему я не смогла родить? Хоть одного? Ты учёный человек, Мойше-Лейб. Скажи, в чём я виновата?

— Я тебя никогда не винил. Что ты надумала? Ицхок уезжает в Америку. Аврум должен ехать со всеми.

— Мальчик останется.

— Ладно, Фейга, поговорим вечером.

Мойше-Лейб пошел в хедер¹. У входа его встретил Аврумчик — рослый, ладный. Поздоровавшись с другими учениками, он ещё раз посмотрел на племянника. Ну, как с ним расстаться? Как?

Махновцы (1919)

В дверь постучали. Громко и настойчиво. Братья переглянулись: придётся ответить. Исаак подошёл к двери:

— Вер из дорт?²

— Видчынйя! Негайно!³

— Кто вы?

— Повторюю останний раз: видчынйя! Бо зломаемо двэри!⁴

Пришлось снять задвижку. Вошли двое: высокий и низенький. За спинами у них были винтовки. Говорил высокий: он был старше.

— Батькы дома? Хтось дорослий?⁵

— Нихт. Нет.

— Тобто нэмае. Як тэбэ зовуть?⁶

— Ицшок-Лейбуш.

— Якый з тэбэ Ицшок-Лейбуш? Скильки тоби рокив?⁷

— Одиннадцать.

— Ты Ицка. Зрозумив? Колы батькы повэзнуться?⁸

— Не знаю.

---

¹ Еврейская религиозная школа (*иврит*).

² Кто там? (*идиш*).

³ Открывай! Немедленно (*украинский*).

⁴ Повторяю последний раз: открывай! Или сломаем двери! (*украинский*).

⁵ Родители дома? Кто-то взрослый? (*украинский*).

⁶ То есть, нет. Как тебя зовут? (*украинский*).

⁷ Какой из тебя Ицшок-Лейбуш? Сколько тебе лет? (*украинский*).

⁸ Понял? Когда родители вернутся? (*украинский*).

— Ясенько. Дывы, Мыколо, що можна взяты: одяг чы щось инше¹.

— Бачу, Петре. Ничого цикавого. Злыдни, хоч и жыды².

Низенький Мыкола зашёл в другую комнату и вскоре вернулся.

— Ось, добрячий кожух. Як раз на мэнэ³.

Исаак неожиданно для самого себя произнёс:

— Дядьку, виддай кожух. Гиб мир уп. Тате титун, ас из калт. Битэ! Будь ласка!⁴

— Що? Ах ты, жыденя! Ты мэни будэш вказуваты?⁵ — Мыкола схватил Исаака за загривок и потряс.

— Будь ласка — чуть слышным голосом повторил мальчик.

— Я тобі дам «ласку» — Мыкола влепил Исааку чувствительную затрещину. — Ще хочешь? Чы досыть?⁶

— Стий, Мыкола. У батька тилькы ций кожух?⁷ — вмешался Пётр.

— Тилькы ций. Бэнэ мунэс⁸.

— А ты смилывый хлопчик, Ицка. Залыш кожух, Мыкола. Пишлы⁹.

Коротыш швырнул кожух на пол и пошёл к выходу. Уже в дверях он погрозил «хлопчику» кулаком. Задвижка была водворена на место. Братья смотрели на Исаака с обожанием. Давидка, самый маленький, тихо сказал: «Дайн нумен из нит Ицка. Дайн нумен из Ицшок-Лейбуш»¹⁰. И засмеялся.

---

¹ Посмотри, Коля, что можно взять: одежду или что-то ещё *(украинский)*.

² Вижу, Петя. Ничего интересного. Нищие, даром что жыды *(украинский)*.

³ Вот, добротный кожух. Как раз на меня *(украинский)*.

⁴ Отдай кожух. Папа носит его, когда холодно. Пожалуйста *(идиш, украинский)*.

⁵ Что? Ах ты, жидёнок! Ты мне будешь указывать? *(украинский)*.

⁶ Я тебе дам «ласку». Ещё хочешь? Или хватит? *(украинский)*.

⁷ Стой, Коля. У отца только этот кожух? *(украинский)*.

⁸ Только этот. Честное слово *(украинский, идиш)*.

⁹ А ты смелый мальчик, Ицка. Оставь кожух, Коля. Пошли *(украинский)*.

¹⁰ Тебя зовут не Ицка. Тебя зовут Ицшок-Лейбуш *(идиш)*.

Женитьба (1926)

— А гутэ нахт!¹

— А гутэ нахт, Рива!

Дверь закрылась. Стало совсем тихо.

— Что скажешь, Фейга?

— Что тут говорить? Милая, добрая. Руки золотые. К маленькому прикипела вся, будто он ей родной. Конечно, простая совсем, с ней не поговоришь, как с нашей Брайной. Да где же Брайна... Сам знаешь. А тебе хозяйка нужна. На меня какая надежда? Ещё год, ещё два — и пойду за Брайной.

— Да сам вижу. Когда Рива приходит, вроде и дом не пустой. Но ты пойми — тяжело мне. Ещё и года не прошло.

— А самому с двумя малютками — легко? Эх, Авремеле... Завтра позову Хану, пусть она с тобой говорит.

— Уже поздно, тётя. Пошли спать...

Аврум зашёл в свою комнату. В детской кровати посапывал полуторагодовалый Ицхок, которого только что убаюкала Рива. Он присел на стул и закрыл глаза.

— Аврум, подойди ко мне... Нет, ближе не надо, а то вдруг закашляюсь...

— Что ты, Брайночка, я же совсем здоров. Если бы я мог поделиться с тобой...

— Не гневи Бога. Тебе надо быть здоровым, жениться, вырастить наших детей. А я уже не жилица.

— Не говори так, родная.

— Но это же правда.

— Какая правда? Проклятый Финкель! Как у него только язык повернулся!

— Не ругай Финкеля. Он был прав: с чахоткой не рожают.

— Но кто его просил устанавливать сроки? Он что, Бог?

---

¹ Спокойной ночи! (*идиш*).

— Он очень хотел мне помочь. Но я не могла отнять жизнь у нашего сына. Лучше самой умереть... Аврум, я хочу тебя попросить...

— О чём?

— Нужно дать Голде образование. Пусть будет врачом. Как Финкель. И чтобы ты любил её за нас двоих.

— А Ицхока?

— Маленького полюбит твоя новая жена. Женись скорей, Аврумчик. Чтобы у моих детей была мама. И пусть они живут долго-долго. За меня...

— Аврум, вставай! Уже семь.

— Хана, шабес¹.

— Ну, так что? Мало дел? Со мной говорила Фейга.

— Майн гот!² Когда она успела?

— Неважно... Чем тебе плоха Рива?

— А кто говорит, что она плоха? О чём ты? Брайна умерла восемь месяцев назад.

— Скоро девять. Аврум, если бы моя Брайна выбирала тебе новую жену, она бы выбрала Риву. Она не хочет, чтобы ваши дети оставались сиротами. Ты слышишь меня?

— Слышу...

— Я ухажу, Аврум.

— Погоди, Хана. Погоди...

Первая внучка (1929)

— Как он, мама?

— Плохо, Либа, совсем плохо. Еле дышит.

— Может, зря я Ханочку принесла? Чтоб хуже не было...

---

¹ Суббота (*идиш*).

² Боже мой! (*немецкий*).

- Хуже некуда. Ты хорошо сделала. Сейчас...
- Лея зашла в комнату, где лежал умирающий, и наклонилась к нему:
- Либа пришла, Исроел. Либа хочет показать тебе внучку
- Где она? — Исроел осмысленно посмотрел на жену.
- Здесь, за дверью.
- Чего же ты ждёшь? Пока я умру?
- Лея открыла дверь и кивнула дочери. Либа бросилась к отцу.
- Либонька, — Исроел удивлённо рассматривал свою любимицу — где твой живот?
- Я же родила. Разве мама не говорила тебе?
- Твоя мама всё время что-то говорит. Скажи сама.
- Смотри, папочка — это Хана. Она похожа на тебя.
- Вижу. А почему у неё глаза закрыты?
- Она спит. Ей же всего неделя.
- Могла бы и посмотреть на деда. Положи её сюда.
- Тебе не будет тяжело?
- Будет. Умирать тяжело, дочка.
- Папа, тебе что-то принести?
- Ё. Абиселе лэбн...¹

«Гой» Арончик (1933)

- Голденю, или сюда! Помоги мне...
- Что, бабушка? — Голда закрыла тетрадку и встала из-за комодика, где готовила уроки.
- Ты же умеешь читать по-русски? Вот письмо нашей Бейлки. Из Москвы. Почитай мне...
- Голда взяла лист, исписанный быстрым, размашистым почерком: «Мамочка! Как ты? Как справляешься одна? Береги себя, родная. Бедный папа!»

---

¹ Да. Немножко жизни (*идиш*).

Хана слушала и не слышала. Ей всё время было холодно, как будто, лёжа ночью в одинокой постели, она успевала намёрзнуться на целый день вперёд. Муж давно болел, но умер так быстро, что Хана забывала об этом и звала, как живого. Внучка пугалась, но бабушка спохватывалась и успокаивала её.

— Голденю, ты ничего не перепутала? Какой «русский парень»?

— Я не путала — девочка читала медленно, боясь ошибиться: «Мамочка, спасибо за чудный отрез. Уже начала кроить. Только удивил твой посыльный. Скажи, что этот русский парень делает возле нашей Баси?»

— Бабушка, — Голда остановилась — тут по-нашему написано.

— Покажи — Хана поднесла письмо к глазам. — Ты права: «а русише бухер». И вдруг начала смеяться. Безудержно, взхлёт, как не смеялась уже много месяцев. Смеялись глаза, брови, ресницы, каждая морщинка её прекрасного высохшего лица. Голда, глядя на бабушку, начала сама потихоньку посмеиваться.

— Ой, не могу — Хана с трудом перевела дух. — мейделе¹, ты поняла? У них был Арончик. Они решили, что Арончик — гой...

Светловолосый, голубоглазый крепыш Арон был женихом младшей дочери — Баси.

— Ой, не могу! Сейчас напишем им, что у нас скоро свадьба... Пусть приезжают. Посмеёмся вместе.

Пейсах (1937)

— Голденю! Солнышко моё! Как ты выросла! Невеста уже.

— Бабуля, ты меня задушишь, — Голда тоже была удивлена. Она смотрела на бабушку и не узнавала её. Как будто они не виделись лет десять.

---

¹ Девочка (*идиш*).

— Какое там задушишь... Сил совсем нет. Ну, рассказывай. Мейделе, тебе же скоро...

— Шестнадцать...

— Только подумать... Мне было шестнадцать, когда замуж выходила. А Зусе, земля ему пухом, двадцать два. Старичок. Ну что это я сама говорю?

— Бабуль, ты же всё знаешь. Мы учимся, папа работает, мама шьёт. Я думаю поступать на иняз. Хочу знать много языков: немецкий, английский, может, ещё испанский.

— Голденю, зачем столько?

— Мне легко даются языки. Особенно немецкий, он почти как наш.

— А мама мечтала, что ты будешь врачом. Помнишь маму? Хоть чуточку? — Хана чувствовала, что её голос дрожит. Она так давно не говорила о старшей дочери...

— Мне же три года было...

— А ей двадцать восемь. Или двадцать девять... Так и стоит перед глазами. Ну что это я всё говорю и говорю? Ты же голодная...

— Бабуля, а у тебя хлеб есть?

— Какой хлеб? Вычистила всё, как могла.

— У нас же в городе мацы нет. Вот мы и ходим к соседям: они нам хлеб дают.

— Как? Аврум и Рива... в Пейсах?

— Нет, папа с мамой не едят. А нам разрешают.

— Понятно.

Хана налила большую миску прозрачного, ароматного супа. И поставила рядом золотистый пирог.

— Вот тебе бульон с кнейделах. А вот сладкая бабка. Посмотрим, захочешь ли ты ещё хлеб.

Голда не заметила, как миска оказалась пуста.

- Ну и вкуснятина! У тебя добавка есть?
— А хлеба не хочешь? Может, мне сходить к соседям?
— Что ты... Какие соседи...

День рождения (1941, май)

Проходя мимо зеркала, Фрума почти машинально поправила причёску: на неё взглянула изящная брюнетка. Двадцать семь. Давно пора замуж. Но Зяма не спешит. Они встречаются третий год. Может быть, сегодня? Не самой же себе делать предложение...

В дверь постучали. Конечно, Тоська. С какой-то подружкой. Кузина, студентка-медичка, только вчера сообщила, что придёт не одна. Так и есть: нарядная полненькая Тося прикрывала собой скромно одетую девушку с лёгким, нежным лицом.

«Мазел-тов!» — дружно прокричали обе.

— Привет, родственница — Фрума чмокнула Тосю в щеку. — А кто это с тобой?

— Галя.

— Галя? — Фрума выразительно посмотрела на незнакомку.

— Ну, Голда — девушка на мгновение смутилась. — Меня все Галей зовут.

— Ну и я буду тебя так называть. А теперь быстро к столу.

— Нет, разве это правильно: большая часть станков — ещё бельгийские, с дореволюционных времён. Да они старше нас... А когда я попытался поставить вопрос, меня тут же поставили на место: мол, ты здесь без году неделя, а уже предлагаешь какие-то изменения.

— А ты давно там работаешь? — Голда уже не жалела, что согласилась сопровождать подругу. Этот смуглый красивый парень ей сразу понравился. Совсем взрослый. Сколько ему? Двадцать пять? Или ещё больше?

— Зяма работает на заводе почти год. Он инженер. Галля, а ты почему ничего не ешь? Возьми печёнку. Или холодец, — Фрума не собиралась скрывать от новой знакомой, что Залман — её парень. Без пяти минут жених. Она привыкла вести себя по-хозяйски. Тем более — у себя дома. В такой день.

— Спасибо, — Голда потянулась к тарелке с холодцом и неожиданно задела своей рукой чью-то руку.

— Извини, Галочка, это я виноват. — Залман улыбался совсем не огорчённо. — Хотел тебе помочь.

— Зачем? Я сама. Тебе положить, Тося?

Вечер продолжался. Но Залману казалось, что ест и говорит кто-то другой. Глаза неотрывно следили за девочкой, которая оказалась рядом. Когда их руки соприкоснулись, он почувствовал настоящий ожог. Как будто перескочил из своих тридцати в её двадцать... Или ей и двадцати нет?

Доброволец (1941, июль)

— Гита знает, что ты написал заявление?

— Ещё нет. Завтра скажу.

— Почему не сегодня?

— Хочу прожить ещё один день без слёз.

— Изя, но ведь это почти ничего не значило?

— Не скажи. Пусть бы призвали вместе со всеми. Зачем было устраивать спектакль? Делать из нас добровольцев?

— Но это, может быть, ненадолго.

— Зяма, мы не на партсобрании. Кто знает, сколько продлится эта война? Как будет, так будет.

— Слушай, но какой смысл грызть себя? Что это даёт?

— Гурништ¹. Ты молодец, что закончил институт. И бронь получил.

— Не знаю. Я же штурман. А бронь сегодня есть, завтра нет. У тебя тоже была.

— Какой ты «штурман»? Сколько у тебя полётов? Не смеши. Если будет возможность — работай. На войну всегда успеешь.

— Изя, я тебя не узнаю. Ты же всегда был самый решительный из нас.

— Я не вернусь. Да помолчи ты, дай договорить! Ты знаешь, что я не трус. Только умирать не хочется. Совсем не хочется. А придётся...

— Успокойся. Пошли, я тебя провожу. Ты обязательно вернёшься. Гита тебя дождётся.

— Гитка у меня хорошая. Дочку жалко: кроха совсем.

Братья вышли из дома и медленно пошли по вечерним улицам. Говорить не хотелось. Они молча курили. Младшему — Залману — предстояла целая жизнь: сорок с лишним лет. А старшему — Исааку — оставалось встретить всего один, тридцать третий, день рождения.

2010–2011

---

¹ Ничего (*идиш*).

ВАРИАНТ

Вечер

Почему подвернулась именно эта книга? Раздвоение личности... Именно сегодня, когда голова пухла от мыслей, и хотелось немедленно переключиться на что-то. Генри Джеймс, когда-то читанный-перечитанный, показался той самой палочкой-выручалочкой. Да и повесть называлась безобидно: «Весёлый уголок». Хотя в рассказе встреча симпатяги-героя со своим отвратным двойником, в которого он мог превратиться, проживи жизнь иначе, уже ни на что не могла повлиять. А когда стоишь на распутье сам, прочитанное будто обволакивает тебя, чем-то угрожая. Непонятно, чем.

На работе уже год не подпускали к новому проекту, несмотря на многочисленные просьбы, надоевшие ему самому. Оставалось уловиться. Но что-то внутри противилось, мешало, сдерживало. Хотелось увидеть собственное будущее хоть краем глаза. Хоть во сне...

Сон первый

Будильник зазвонил без четверти шесть. Привычно сосчитав до двадцати, поднялся. Где-то читал, что так просыпаешься быстрее. Хотя, каким бы уставшим он ни был вечером, утром из зеркала глядел самодовольный, энергичный тип. Бритьё и лёгкая разминка заняли ровно столько времени, сколько

положено. В шесть пятнадцать уже сидел за рулём. До начала утренних пробок оставалось около десяти минут. Вполне достаточно, чтобы проскочить.

Новенькая «субару» еле ползла впереди, съедая столь нужное время. Пришлось обойти её почти по самой кромке. Так и есть: молодая баба, очень даже симпатичная. Наверное, чья-то секретарша. Чем болтать по телефону и смолить с утра пораньше, лучше бы ехала по-человечески. Ещё и сделала ему козью морду. Зато теперь дорога свободна. Он мысленно уже пролетел её и, поставив машину на стоянку, входил в кабинет. Предстоял обычный рабочий день, то есть забитый под завязку. Два совещания, одно из них на выезде, переговоры с американским филиалом плюс текучка, которую он особенно любил, стараясь сделать максимально полезной. К тому же сегодня нужно уйти пораньше: вечером, чтобы ублажить жену, пришлось назначить встречу с психологом, совершенно, по его мнению, излишнюю. Некуда 600 шекелей выбросить.

Они сидели на кухне. Салон и столовая казались слишком большими для ежевечерних отчётов, как он называл про себя эти посиделки. Можно было выговориться, не подбирая выражений и не заботясь о том, как слова будут восприняты другими.

— Да, этот новый парнишка, которого взял на РНР, совсем разонравился.

— Что это за хрень — РНР?

— Я тебе раз десять объяснял: препроцессор для гипертекста.

— Это для интернета, что ли?

— Естественно.

— Так что с этим кадром? Он же только пришёл? Пару месяцев назад, да?

— Смотри: я ожидал большего. Вроде и с опытом, и с амбициями, а результаты не шибко. И ребята недовольны. К тому же заседать любит. Сегодня один и тот же вопрос три раза поворачивал разными сторонами. Вместо того, чтоб сразу обо всём подумать. Минут двадцать лишних проторчали. У собственных программистов время забрал. Не резиновое, кстати, — на его лице была написана откровенная брезгливость.

— Ты что, уволишь его? — жена смотрела почти испуганно. Нелепая, гипертрофированная порядочность. Даже не верилось, что совсем недавно он и сам был таким.

— А чего церемониться? Это ж не католическая свадьба. Last in — first out.

— Я этот твой «LIFO» терпеть не могу. У парня же семья, наверное. А ты его пинком под зад.

— Меня не для того держат, чтоб я о его семье заботился. Сама знаешь.

— Но ты же одеревенел совсем. Для тебя люди вроде компьютеров... Ты у Ноа был? — так звали психолога, к которой он ходил.

— А как же! В полседьмого свалить пришлось. Ровно час общались. Строго по таксе.

— И что она советует? Это же ненормально, чтобы человек был так зациклен на работе. Ты уже со мной начал на иврите говорить.

— Любопытный разговорчик был. Помнишь, лет пятнадцать назад я совсем собрался увольняться? Ноа считает, что это была точка отсчёта. Я превратился в трудоголика, потому что остался в конторе. По твоей просьбе, кстати.

— Да помню я. Что за идиотская привычка по двадцать раз повторять одно и то же? А ты сам что думаешь? — жена, похоже, сама была не рада этому разговору.

— Ничего не думаю. Меня моя жизнь устраивает. И работа, и дом. И ты, кстати, тоже. Более чем.

— Но это же все границы переходит. Помнишь, как мы в Сиднее два дня в гостинице просидели? Ты даже в отпуске, как баран, ждал каких-то звонков.

— Спасибо хоть баран, а не варан. Ты же помнишь, тогда была демонстрация нового продукта, и договариваться с клиентами надо было на месте. А меня только продвинули, даже месяца не прошло. Случись неудача, хрен бы оставили... Мы же не в бирюльки играем. Никуда твоя саванна не делась. Ну, так провели в ней не пять дней, а меньше.

— А заплатили за пять.

— А для чего я пашу с утра до ночи? Чтоб ты мне за каждый шекель выговаривала?

Жена обиженно замолчала. Он сам понимал, что перегнул палку и придётся извиняться. Лучше завтра, по телефону. А сейчас было самое время на боковую.

Сон свалил его за мгновение и растёр по кровати. Как свою собственность.

Сон второй

Будильник зазвонил без четверти восемь. Собственно, он поднимался «за компанию», чтобы совсем не отлежать бока. «И так уже до срока в пенсионера превратился», — говорила жена. Он не спорил. Вообще старался казаться незаметнее. И не слишком задумываться о своём нынешнем состоянии, как будто оно могло по волшебству измениться.

Близкие в волшебство не верили. И видели в нём человека, потерявшего самого себя. А он старался не заикливаться ни на мыслях о будущем, ни на мыслях о прошлом. Радоваться солнцу, ветру, облакам, дождю. Теплу и холоду. Детской улыбке на улице. Чему угодно...

Поиски работы, продолжавшиеся второй год, были безуспешны. Даже звонки звучали всё реже. «Полковнику никто не звонит», — горько шутила жена. Бывшему полковнику.

Дни наползали один на другой. Он по инерции что-то читал, кропал какой-то несерьёзный код, чтобы держать себя в форме. Писал в разные конторы, напоминая о себе и стыдливо пряча свой возмутительный возраст. Ходил к психологу. Одна из встреч была как раз сегодня.

Пришло время выгулять любимца. Ежедневные прогулки были едва ли не самыми приятными моментами нынешних дней. Когда на тебя водопадом низвергается чья-то любовь, чувствуешь себя нужным и самодостаточным. Хоть в собачьих глазах.

Пёс уже сделал все свои дела, и они беззаботно гуляли по парку. На дальней лавке сидел какой-то старик, одетый в отвратительные обноски. Подойдя поближе, с удивлением понял, что тот, возможно, моложе его. Они даже были похожи чем-то. Недаром пёс активно рвался к незнакомцу, который дружелюбно улыбался в ответ. Нет уж, не хватало дышать помойкой. Он с силой потянул за поводок. Похоже, тот самый бездомный, о котором вчера говорила дочка. А наш глупыш снова хотел его облизать. Хмырь смотрел как-то странно, сочувственно, чуть ли не по-родственному. Неужели он настолько жалок? И кому? Этому уроду?

Они сидели на кухне друг напротив друга. Жена только что вернулась с работы и ужинала. А он докладывал об очередном дне, ушедшем насмарку.

— Джонни, как всегда, в лучшем виде. Знаешь, когда смотришь в эти глаза, самому хочется стать собакой. Погулял с ним часок. Только в парке он захотел облизать бомжа, от которого воняло на километр. Еле оторвал. А вечером сам ходил на экзекуцию.

— И что сказала Вика на этот раз? — так звали психолога.

— Она называет моё состояние синдромом неудачника. Меня столько раз увольняли по поводу и без, что утратил веру в людей. Сам себе не представляю, что кто-то поможет. Нужно себя иначе настроить, что-то вроде перезапуска.

— Всё это лирика. Тебе просто не нужны деньги. Испарилось желание их зарабатывать. Это она понимает? Иначе зачем хапает 120 шекелей за сеанс? Кстати, не лишние, — они привычно играли в нападение-защиту. А стоило ему заикнуться о прекращении сеансов, роли тут же менялись.

— Она всё понимает. Ещё говорили о самооценке, которая у меня страшно занижена.

— Но с чего это началось? Раньше-то всё было иначе.

— Вика считает, что пятнадцать лет назад мне ни в коем случае нельзя было увольняться. И что нынешние проблемы начались тогда.

— То есть, ты сам себе жизнь испохабил? И мне за компанию. Я же тогда тебя просила, умоляла почти. Помнишь?

— Ну сколько раз можно напоминать? Я не в маразме. Тебе этого не хватает?

Жена замолчала, посчитав себя обиженной. Он и сам понимал, что «качать права» нахлебнику не положено. Оставалось извиниться, но просительный взгляд демонстративно игнорировался.

Поплёлся в спальню. Только лёг, как увидел нищего из парка. Но сейчас тот был изысканно одет и надушен дорогим одеколоном. Он шёл прямо к нему. Ближе, ближе, ближе...

Сон третий

Он проснулся от холода. Никакого будильника не было, да и быть не могло: он остался где-то там, в старой жизни. Там много чего осталось: дом, работа, разная одежда, телефон с будильником. Деньги. Он бы раньше не поверил, что сможет

жить без этого. Рыться в мусорных баках в поисках пищи и шмоток. Спать на скамейке или прямо на траве. Не думать ни о чём. Просто дышать. Пока дышится...

Вчера эта идиллия была нарушена симпатичным пёсиком, который ни свет, ни заря подбежал к его лавочке и едва не лизнул в физиономию. Но хозяйка, совсем молодая, красивая девчонка, утащила малыша куда подальше.

Ну да, от него же пахнет. Воняет. Смердит. Подумаешь! А пёс милый... Чёрная шёрстка такая гладкая, блестящая. И белая полоска на грудке, чтобы тебя гладили. Хорошо, наверное, ему живётся, с такой-то хозяйкой. Делай, что положено, а с тебя пылинки сдувают. Завидки берут. Благодать...

Вроде теплее стало, наверное, солнышко выползает. Сохнуть ещё, что ли... Почему бы нет?

Сон четвёртый

За окном было ещё темно, когда он привычно потёрся спиной об одеяло. Хозяйка, почувствовав шевеление, сразу приоткрыла глаза. Они с хозяином договариваются с вечера, кто с ним выйдет. Ему-то всё равно. Какая лапа лучше: та или эта?

На улице было по-утреннему холодно и сыро. Свернув на лужайку, сразу присел на траву, щедро отдавая накопленное за ночь. И потрусил в парк, чтобы немного размяться.

На одной из лавочек кто-то лежал. За секунду оказался рядом, учуяв в незнакомце что-то близкое, своё. Но хозяйка тут же оттащила, не дав даже поздороваться толком. Хотя лежащий тоже потянулся к нему, будто следуя тому же порыву. Он был как-то странно одет, от него шёл резкий, необычный запах. Пёс помнил, как пахнут люди, которых когда-либо видел, но так не пах ни один из них. И всё-таки они встречались раньше. Только когда? Где?

Сон пятый

Просыпаться или засыпать было ни к чему. Нелепые правила, к которым за все годы так и не привык. Куда логичнее настраивать себя на работу в экономном режиме. И если при этом надо лежать с закрытыми глазами, в чём проблема? Для других ты спишь. А когда потребуется, вновь запускаешься на полные обороты.

Здешний срок заканчивался. Вчера, вывалившись из нелепо коротких, обчекрыженных земных суток в привычное пространство, он услышал условный звон. Оставалось несколько дней, от силы неделя. А потом придётся тихонько уйти.

По-английски, чтобы не заметили.

Как они живут, несмышлёныши! Ничего не зная наперёд ни на год, ни на минуту. И сами над собой смеются... Один про сатану роман написал, другой — стишок о Боге:

Всё — лицо. Его. Творца.
Только сам Он без лица¹.

Интересный экземпляр был этот землянин: видел всё изнутри, а не снаружи. Вроде где-то родился, а потом, уже готовым, сюда попал. Только зря это всё. Чем думать о вселенной, лучше бы научились временем управлять. Чтобы повзрослеть, наконец...

Жизнь здесь короткая, как плевок. И ничего изменить нельзя, кем бы ты ни был: будь добр походить на остальных. Валяй дурака. Спи в оглоблях, пока не очокуришься... Но сейчас, прощаясь, чувствовал, как обжигает зависть к ним, смешным и наивным. И как жалко становится себя, видящего будущее этой несчастной планеты и каждого её обитателя.

---

¹ Стихи Леонида Аронзона.

Утро

Будильник зазвонил в шесть. Автоматически вскочил, сделал обязательные утренние телодвижения и сбежал по лестнице. Тут же подкатила подвозка: шесть двадцать пять, как положено. Сев на привычное место возле окна, закрыл глаза: можно было покемарить. Какое счастье, что сны сразу не сбываются. И ему не шестьдесят или сколько там натикало, а сорок пять. Ежу ведь известно, что главное состояние: непрожитая жизнь. Каждый ребёнок богат несусветно, только что он понимает в этом! А когда поживёшь, поистратишься... Уж так мы устроены: ценим то, чего нет. Ну ладно, что философствовать с закрытыми глазами... Поспи лучше, умник. И пусть во сне тебе будет поменьше годиков. Перед глазами промелькнули лица детей: уходя, он на секунду заскочил в их комнату. У них ещё всё в перспективе. Миллионеры... Нет уж, лучше спать без снов, оставаясь там, куда занесло время. Его личное время. Которое не выбирают...

2015

СТРОЙОТРЯД

Марик

«Посадка на рейс “Днепропетровск — Москва” заканчивается через пять минут».

— Ну вот, и посадка заканчивается, — служащая смотрела на него, как на малахольного. — На этот рейс уже никак не попасть.

— Почему? Самолёт же ещё здесь. И билет у меня на него.

— Молодой человек, вы что, первый раз летите? Есть процедура, которую нельзя отменить: вначале регистрация, потом посадка.

— А мне что делать? Как я в Москву попаду?

— Приходить вовремя — только и всего. Погодите секунду, — женщина быстро перелистнула какие-то странички. — Считайте, вам повезло. Через час есть рейс на Липецк, оттуда до Москвы рукой подать. Свой билет сдадите, новый купите. Даже доплачивать не придётся. Только поторопитесь, чтобы и сюда не опоздать.

Она улыбалась, оказавшись молодой и симпатичной. Прежде он этого не видел.

Сдать билет и купить новый оказалось делом нескольких минут. Наконец он сидел в самолёте. Салон был полупустым.

Прилетели через час. Быстро нашёлся маршрут «почти что туда»: в Тулу. Сходу прошёл на посадку: никакой регистрацией здесь не пахло.

Самолётик оказался крошечным, с десятком пассажиров внутри. «Кукурузник», о котором столько слышал. Пришла пора

познакомиться. «Рейс Липецк — Данков — Тула начинается, желаем всем спокойного полёта», — пилот произнёс фразу негромким «домашним» голосом. Стюардесса раздала каждому по два целлофановых пакета.

Агрегат оторвался от земли и пополз по воздуху. Железную коробку нещадно болтало во все стороны. Он чувствовал себя при этом относительно сносно, а соседи периодически склонялись над пакетами. Рядом сидела молодая мама с сынишкой, на них было жалко смотреть. Недолго думая, он отдал свой целлофан матери, та лишь благодарно кивнула в ответ. Внизу деревни сменялись полями, лесами, перелесками. И только тряска казалась бесконечной.

Остановка в Данкове слегка привела пассажиров в чувство. Мужичонка лет сорока, по виду командировочный, попросился «на воздух», но стюардесса возразила: не предусмотрено. Полёт продолжился. Все вели себя спокойней, даже мальчишка.

Опять вспомнилось начало сегодняшнего дня. Автобус в аэропорт ушёл из-под носа: разминулись всего на минуту! И пошло-поехало. Водитель такси заломил двойную цену, он возмутился и не сел. В результате вместо трёшки потратил почти червонец, а до Москвы ещё чесать и чесать. И это только четверть пути. И всё же, успеет ли он на утренний самолёт, не увидел бы того, что сейчас проплывало перед глазами, не наблюдал бы милый, ласковый пейзаж с высоты птичьего полёта.

Тула. Метнулся к кассам — и тут же узнал, что аэропорт местный. Пришлось ехать на вокзал. Вскоре сидел в электричке. Есть совсем не хотелось, но он с благодарностью думал о маме, засунувшей-таки пакет с бутербродами в рюкзак, не смотря на его яростный протест.

День приближался к вечеру, а столица всё никак не вырисовывалась. Наконец объявили, что следующая остановка — конечная. Состав медленно катил по городу, пока на перроне не замаячили долгожданные литеры.

В справочной ему растолковали, как попасть в Тюмень. Приехал в аэропорт затемно. Очередь в кассу почти не двигалась: обслуживали шедших по телеграммам и запискам. Их, обычных пассажиров, стояло всего четверо.

Вдруг какая-то бабёнка бесцеремонно втёрлась перед ним. «Ты что, с неба свалилась?» — желание миндальничать не возникло ни на секунду.

«А ты разве не видел меня? Я давно здесь стою», — та мгновенно сориентировалась, выбрав безошибочно-просительную интонацию.

«Дуй сюда», — стоявший перед ним немолодой кавказец пропустил красотку вперёд. «Не хватало ещё с бабами заводить, — это относилось к нему, не в меру горячему. — Все улетим, никто в Москве не останется».

Очередь начала двигаться, будто поступок кавказца заметили и оценили.

«Левые» пассажиры больше не появлялись. Наконец он держал в руках билет.

Третий за сутки полёт был долгим, а он так вымотался, что проспал всю дорогу. Проснулся в Тюмени. Хотя жаркое июльское утро ничем не отличалось от вчерашнего. Даже не верилось, что до дома — несколько тысяч километров.

Теперь предстояло добираться поездом. Первый же проходящий — «Свердловск — Новосибирск» — останавливался в Ишиме. Триста километров. Пустяк.

Через три часа он думал иначе. Тихоход подолгу стоял у каждого столба, а в промежутках не успевал толком разогнаться. Оставалось жевать бутерброды и пялиться в окно. Лес, совсем иной, чем подмосковный, казался грозным, хмурым и будто втягивал в себя и рельсы, и поезд, и всех, едущих в нём. Вот она, тайга. И почти никаких признаков человеческого присутствия.

Выпив второй стакан чая, поинтересовался, когда прибывают. «Ишим? Часов через пять». Пришлось лечь на полку и слушать стук колёс.

«Паренёк, вставай, — проводница трясла его за плечо. — Приехали». С трудом соображая, схватил рюкзак и выскочил из вагона. Всё ещё не проснувшись, наблюдал, как поезд медленно трогается с места. К счастью, без него.

Тут же подошёл автобус, идущий на стройбазу. Лишь проехав несколько остановок, вспомнил, что нужна новая база. «Что ж ты сразу не сказал, — засмеялся водитель. — Тебе аккуратно в другую сторону. Сейчас разберёмся». Он притормозил и просигналил машине, идущей по встречной полосе. «Получай пассажира, — весело крикнул в окно, — денег не бери, он со мной расплатился».

«Новая база? — водитель был намного старше и совсем не улыбался. — Довезу, не переживай. Отдыхай пока».

«Приехали», — опять его будили, как малолетку. База находилась через дорогу, её украшал плакат: «Ознаменуем определяющий год пятилетки трудовыми свершениями». И жирный восклицательный знак в конце.

Зашёл внутрь. Посреди двора стояла девушка, одетая не в робу, а в обычное платье: смена, видно, закончилась. Неожиданно она повернулась и кинулась к нему. «Прикурить нету?» — пальцы сжимали папиросу. Он отрицательно покачал головой. Пошатываясь, работница прошла мимо. Чуть старше его, худенькая, светловолосая, кареглазая. И от неё разлило водкой.

Ошарашенный, поспешил к другой женщине, стоявшей в отдалении.

Диспетчер — это оказалась она — как раз собралась уходить. Сколько же раз ему везло сегодня!

— Что ж ты так поздно? Ребята полмесяца здесь. Пошли, я тебе открою бытовку. Постель не обещаю, а подушку принесу. Утром будет грузовик прямо до объекта. Отдыхай.

Лишь уснул — и очутился внутри «кукурузника». Пилотировал самолёт мальчишка, который раньше летел с мамой. А красавица-стюардесса была как две капли воды похожа на пьянчужку, налетевшую на него рядом с бытовкой.

Не успел встать, как в дверь постучали. «Собрался? Молоток, — диспетчер с утра была в хорошем настроении. — Машина во дворе».

Когда полез в кузов, выяснилось, что там сидят. «Это ты студент? Садись, места хватит», — обратилась к нему первая женщина, лет тридцати. А в другой с удивлением разглядел вчерашнюю курильщицу — и стюардессу из ночного сна. Казалось, они не обращают на попутчика ни малейшего внимания.

— Алька, Алька, — говорила старшая. — Сколько тебе? Двадцать два?

— Двадцать один. Через месяц.

— Вот-вот. Видная девка, тебе замуж надо, а ты? С кем пьёшь? С Федькой?

— Угу.

— Ну и дура. От него баба сбежала, вот он и нашёл замену. Пойло чьё? Федькино?

— Угу.

— Да что ты всё угукаешь? Говори по-людски. А на мальчишка нечего зырить, он же не вырос ещё. Верно, студентик?

«Студентик» машинально кивнул, а женщины обменялись улыбками. Тем временем шофёр сел за руль и дал газ.

— Аля, я и сама водочку люблю. Вот мы с Сережей... На выходные берём пару пузырьков. Сидим, песни поём, дети рядышком: сынок со мной, дочка — с ним. Душа радуется. Как тут не выпить? А среди недели ни-ни, разве что праздник какой или друзья придут, или сами к кому пойдём. Я, когда с Васькой ходила, ещё меньше пила. Да и не хотелось.

— Ты что, и не курила? Это ж сдохнуть можно.

— Нам Серёжкин дружбан семь блоков болгарских сигарет привёз. Из Тюмени. Они слабенькие совсем. Я пачку на два дня растягивала. Почти что не курила. А сейчас — только с фильтром. Мой говорит, что от бабы должно хорошим табаком пахнуть. Его это заводит.

— И как они, с фильтром? Нравятся?

— Гадость эта? Ни вкуса, ни запаха. Алька, дай подымить. Ужас, как соскучилась по настоящему табачку!

— Бери.

— А тебе самой хватит? День только начался.

— Хватит. Я запасливая, — Алевтина постучала по карману робы.

— Сколько ж ты куришь, Алька?

— Пачки две, наверное. Почём я знаю? Они так быстро заканчиваются...

— Ну, ты даёшь! Это ж серьёзное курево, не «Родопи» какой-нибудь.

— Что за «Родопи»?

— Ну, те, болгарские, для беременных. Слушай, что говорю: бросай Федьку. Есть же пацаны стоящие. Пусть постарше, это только к лучшему.

— Серёжка-то твой моложе будет. И с дитём взял.

— Два года не в счёт. А Варьку он удочерил. Мужик!

Обе замолчали, выдыхая в воздух тяжёлый смолистый дым. Вдруг старшая стукнула кулаком по водительской кабине.

— Эй, студент, вылезай давай...

Наконец-то. Их разговор действовал на нервы. Как будто заставляли подсматривать в замочную скважину.

Его высадили среди чистого поля. Правда, с одной стороны стояло несколько неказистых домиков, а с другой — метрах в ста — шла стройка, и там работали люди. Он быстро пошёл в их сторону.

— Прилетел-таки! — комиссар смотрел на него с удивлением. — Пошли, я тебя размещу.

— А где командир?

— На другом объекте. Тут пашем вовсю, а там всё только начинается. Заходи, вон твоя койка.

Он подошёл к аккуратно заправленной кровати и скинул рюкзак. В другом домике получил рабочую экипировку.

— Гена забрал с собой бетонщика. Начнёшь с этого. Петя тебе всё объяснит.

— Значится, так. Есть два способа приготовления раствора. Первый: расколачиваешь песок с цементом всухую, а потом заливаешь водой. Второй: заливаешь цемент водой, получается цементное молоко, а в него досыпаешь песок. Вопросы? — Пётр, высокий, худой симпяга, будто отработывал повинность.

— Один: с чего начнём?

— Начнём с «молочка». Ребята бут гонят, делаем для них.

Они подготовили смесь в большущем корыте. Напарник побежал к бутовщикам. Шестеро из них разбились на пары. Носилки наполнялись — и пара исчезала, чтобы тут же вернуться. Корыта едва хватило на полчаса. Они заполняли и опустошали его ещё несколько раз. Когда лопаты вновь заёрзали по дну, Пётр усмехнулся: «На часы смотришь? В животе не урчит?»

Столовая обнаружилась в одном из дальних домиков. И незатейливый борщ, и рыба с перловкой показались удивительно вкусными. Их повариха, Катя, делала своё дело чётко и умело.

После обеда время пошло быстрее. Для разнообразия даже пару раз заколачивали «всухую», а воду добавлял он. Первый раз перестарался, пришлось подсыпать песок. Зато потом подгадал тютелька в тютельку.

— Молодец, — Петя был явно доволен. — С бутом почти закончили, завтра кладка. Устал?

— Есть немножко.

— Скоро пошабашим. Пошли, там за экскаватором подчистить надо.

Когда они подошли, экскаватор уже не работал. Котлован был глубокий, с ровными краями. Работы оставалось на несколько минут. Неожиданно рядом упала пустая поллитровка. Он поднял голову. Экскаваторщик выразительно смотрел на него, держа указательный палец у рта.

— Фёдор! — послышался звонкий голос. К ним подходили комиссар и высокая девушка, по виду их ровесница. — Выходи, поедем на базу.

— Куда? — Фёдор вылез из кабины, но даже просто стоять был не в состоянии.

— Нажрался! Ах ты, сволочь! Прогул получишь, — мастер быстро пошла прочь.

— Танька, стой! Ну, выпил чуток, с кем не бывает. Пацаны, где ваш бугор?

— Я за него, — Гриша подошел к обиженному.

— Что ж это деется? Я целую смену отпахал! За что прогул?

— Феденька, ты же лыка не вяжешь. А у нас в отряде, между прочим, сухой закон.

— Комиссар, пойми, я ж с горя! Думал с Алькой посидеть культурно, пузырёк принёс, а ей какая-то сука обо мне что-то наплела. И она меня послала. Она! Меня!

— Федька, если хочешь, чтоб я тебя перед Таней защитил, обещай, что пьяным здесь больше не появишься. Иначе слова не скажу.

— Обещаю. Ты мужик правильный. А как я работаю, ты знаешь.

— Знаю. Сиди тихо. И смотри: слово дал.

Тот благодарно кивнул. Похоже, он даже протрезвел.

Мастер вновь подошла к ним, Гриша что-то сказал вполголоса, почти шёпотом. Она направилась к стоящему на дороге грузовику, Федя заковылял следом. Машина тронулась.

Смена кончилась. Идя к своему домику, столкнулся с комиссаром. Гриша молча поднял большой палец.

Петя

Стройотрядовцы возвращались домой. Поезд недавно пересёк Волгу и катил на юго-запад, в сторону Украины. Он сидел за столом и, чтобы чем-то себя занять, почитывал взятый у Кати томик Сергея Острового. Стихи не напрягали — и не запоминались.

— Марик, что там за муть у тебя? — Петя, беспробудно проспавший почти всю дорогу, стоял рядом, протирая глаза.

— Почему сразу «муть»? Нормальные стихи, — он даже немного обиделся.

— На вот. Оцени разницу, — Петя положил на столик тоненькую книжицу. И вышел в тамбур.

Он посмотрел на обложку: «Федерико Гарсиа Лорка». На внутренней стороне стоял штамп букиниста: «50 коп.». Хотя изначально книжка стоила шесть.

Первое же стихотворение удивило. Из нескольких слов возникал пейзаж, залитый небесным светом. Прочитал ещё пару коротких стихотворений. Это был ни на что не похожий, невысказанный, колдовской язык.

Следующий стих, большой, на несколько страниц, начал читать, смутно догадываясь, что так и не дойдёт до конца. Так и вышло: его вновь и вновь сносило к первым строкам, как парусник — к морскому берегу. Наконец, отложил книгу в сторону.

— Начитался? — Пётр глядел на него с весёлой улыбкой. — Ты куда добрался, дружище? «Сомнамбулический романс» осилил?

— Нет. Как заклинило. Голова в тумане. Язык незнакомый, и не русский как будто.

— Язык Лорки. Не уловил? Давай книжку, хватит для первого раза.

— Да, забыл совсем, — Петя, забравшись на свою полку, свесился вниз. — Тебе Аля привет передавала. Вы куда-то ехали вместе, помнишь? Кареглазая. Ей бы в кино сниматься, а она штукатурит.

— Которая «Беломор» изо рта не вынимает?

— «Беломор»? Это приколы, да? Она, правда, курит, но что-то приличное. Любопытная девчонка. Первый раз её видел. Говорим себе, а когда я твоё имя назвал, в щёку меня чмокнула и убежала. Ни с того ни с сего. Ты что-то понимаешь?

— Нет. Откуда?

Аля

Они вновь сидели в кузове грузовика. Короткая ишимская осень заканчивалась.

— Сколько ж мы не виделись? Месяца три?

— Вроде того. С нами тогда ещё мальчик ехал из стройотряда. Красивый такой, чёрненький. А мы его «Беломором» обкуривали.

— Они уехали, в августе ещё. А ты изменилась, Алька. Федьку давно отставила? Приставал сильно?

— Да ну его! Я о нём и думать забыла.

— Ну, доставай папирсы, подымим.

— Клава, «Беломор» кончился. У меня «Космос».

— Ни хрена себе! Сколько ж ты на курево тратишь?

— Мне пачки на два дня хватает.

— Скажите пожалуйста, какие мы экономные стали! У тебя новый хахаль, да?

— Марик не хахаль. Мы о нём вообще говорить не будем.

— Почему не будем? Он же на тебя давно глаз положил, только ты внимания не обращала. Думала, ты евреев не любишь.

— Дура была. Марик меня только на второй день поцеловать решился. А в комнатку свою через неделю повёл, будто я целка какая. Раньше одни ханыги попадались.

— Вот ты как заговорила, девочка. Ты что, замуж за него хочешь?

— Только бы позвал.

— А как с ним трахаться?

— Клава, и не стыдно тебе?

— Тю-тю, какие мы нежные стали! Нас же не слышит никто. Говори, не бойся.

— А что говорить? Это я раньше трахалась. А с Мариком у нас любовь. Хорошо мне с ним. И ему со мной.

— Всё ясно с тобой, милая. Он тебя с родителями знакомил?

— В Перми они. Марик хочет, а мне страшно. Вот когда заявление подадим...

— Что за пожар? Ты залетела? От него хоть?

— А от кого? Я с Мариком три месяца. А срок крошечный, четвёртая неделя всего.

— Что ж ты не береглась? Не маленькая...

— Зачем? Я и так боялась, что не получится.

— Почему? Из-за аборт, да?

— Ну, да. Два раза делала.

— А ты молодец, подруга, сообразительная. Молодой, с дипломом. И снаружи ничего, если не всматриваться. Выигрышный билет. И женится вроде, хоть ты та ещё оторва была. Хрен их поймёшь, евреев этих.

— Злюка ты, Клавка. Марик красивый, добрый. Знаешь, на кого он похож? На студентика, что с нами в прошлый раз ехал. И я Марику всё рассказала. Думала, убежит сразу. А он меня к себе прижал, целует и говорит: «Алечка, забудь. Это не с тобой было». Я и в церковь ходила. Молилась за нас. Между прочим, сам Иисус Христос еврей был. И апостолы его.

— Кто это тебя просветил? Твой, что ли?

— Батюшка в церкви.

— Хоть бы и так! Чужие они нам, понимаешь? Чужие!

— Тебе, может, и чужие. А я с евреем живу. Во мне еврейский ребёночек растёт. Что ж я, по-твоему, чужая ему?

Машина въехала во двор строящегося дома. Начинаясь новый рабочий день.

— Аля, уже приехали, а ты сигаретку свою до сих мусолишь. Прямо не узнаю тебя.

— Сама себя не узнаю. Совсем брошу. Марик просил. Для маленького.

— Ну-ну.

— Не веришь, Клава?

— Верю — не верю... Какая разница?

2014

ЗВОНОК

Рассказы о Семёне

(2012–2015)

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ

Эстакада казалась бесконечной. Как будто её длина увеличивалась с каждым порывом ветра, продувавшим идущих по ней людей насквозь. Утром этот десятиминутный переход заряжал энергией, а вечером, после изнурительной смены, забирал все силы. Ещё один, последний поворот. За проходной тот же тридцатиградусный мороз, но хоть без ветра. По винтовой лестнице они взобрались на третий этаж, открыли дверь вычислительного центра — и наконец-то оказались в тепле.

Система работала круглосуточно. Из окон был отлично виден стальной поток, разделяющийся на несколько ручейков. Каждый ручей несколько раз в минуту разрезался на аккуратные слитки. Красиво, чёрт возьми! Прямо Япония посреди грязного среднесибирского города. Или, на худой конец, Европа, откуда они прилетели почти месяц назад — и куда завтра возвращаются. Если не будет никаких ЧП, вроде небольшой аварии, которая неделю назад стоила цеху нескольких тонн стали, а им — бессонной ночи. В результате выяснилось, что система защиты была отключена: оператор дважды подряд нажал не ту кнопку. Он был трезв: просто перепутал. Теперь, после введения драконовских мер предосторожности, отключить систему можно было, только вырубив в цеху напряжение. Впрочем, на этот случай имелся генератор. «На моих ребят не надейтесь, — повторял мастер почти на каждой утренней планёрке, — они же не ангелы». Хотя пьяных в цеху они не видели. Ни разу.

Программистов было четверо, и трудились они двумя связками: мужик с мужиком, баба с бабой. Как шутил Илья, чтоб не было ни матриархата, ни патриархата. Хотя и с Ирой, и с Галочкой он работал больше десяти лет — и понимал их с полуслова, а чаще без слов. Семён присоединился позже, всего-то три года назад, когда их отделы слили в один.

Вскоре пришёл мастер. «Ну, ребята, молодцы, — он был доволен, что бывало редко. — Ночью проблем не было. Сегодня отпускаю вас пораньше, отдохнёте перед самолётом».

Они разошлись по своим местам и занялись спокойной, рутинной проверкой работающей системы. Никуда не надо было спешить, никто не стоял над душой — они от этого сонного ритма почти отвыкли.

До обеда оставалось всего несколько минут, когда мастер появился вновь. Он пришёл с Костей — заводским программистом, который должен был вести систему после их отъезда. И выглядел как обычно — озабоченным. «Отвлечитесь на минутку», — в голосе была предупредительная интонация, не сулившая ничего хорошего. Когда вся четвёрка стояла рядом, он сообщил, что при подготовке к новой плавке — с особой, редко используемой маркой стали — их тестовая система дала сбой: температура осталась выше максимально допустимой. Плавка ожидалась через неделю, поэтому кто-то должен сдать билет и остаться. Либо попытаться всё наладить сегодня. Все смотрели на Семёна: за систему охлаждения отвечал он. А Семён, не скрывая удивления, уставился на Костю: тот ещё на прошлой неделе должен был сделать все тесты. «Костя в твоём распоряжении, Семён. Он сожалеет, что отложил проверку на сегодня». «Сергей Николаевич, я сразу приступлю, — Семён выглядел пришибленным. — Костя, через полчаса будь здесь. Без опозданий». «Будет, как штык. Приятного аппетита!» — мастер вышел из зала. Костя чуть замешкался — и побежал за ним.

«Сеня, может, кому-то из нас тоже стоит задержаться?» — Ира никогда не разделяла проблемы на «свои» и «чужие». «Спасибо, Ириша, — Семён уже успокоился. — Если что, сразу дам знать. Пошли: жрать хочется».

В столовой было привычное, достаточно разнообразное меню: кормили здесь вкусно. Завод в последние годы зарабатывал, продавая сталь и чугун, немалые денежки — и мог позволить себе многое помимо нескольких мясных блюд на обед. Семён ел в меру прожаренный шницель и думал, что заходить в столовую ещё хотя бы раз нет ни малейшего желания. «Сеня, ты не расстраивайся так, — Илья тоже чувствовал себя не в своей тарелке. — Костик, конечно, козёл: так подставить в последний момент. Ну, так придётся ещё несколько дней поторчать здесь. Инне я сразу позвоню, когда прилетим». «И скажешь, что её муж шлимазл¹, который поленился проверить одного сибирского валенка? Так, что ли?» — Семен уже улыбался. Разговаривать с Ильёй вне работы и оставаться серьёзным было трудно. — «Ну, примерно. Без шлимазла, конечно. Сама добавит, если захочет».

Когда они вернулись, Костя уже ждал: видимо, мастер ещё раз намылил ему шею. Они спустились на второй этаж и оказались в Костиной каморке. После просторного вычислительного центра она выглядела особенно тесной. Хотя для одного места вполне хватало. Семён пристроился на узком стуле, стоявшем в углу. «Тесты у тебя где? Давай сюда!» Костя достал из ящика свёрнутую в трубку распечатку, которую Семён тут же начал изучать. Сомнений не было: ошибка, явная ошибка — он уже догадывался, где она может сидеть.

— А остальные тесты? Их же пять...

— Да я думал, что продолжать нет смысла.

— Сделаешь сейчас же. Двух часов хватит?

---

¹ Неудачник, здесь — недотёпа (*идиш*).

— Вряд ли...

— Так ты постарайся... Чтоб нам всю ночь в цеху не торчать. Который час? Без четверти два. В четыре я у тебя. Или нет: всё принесёшь мне. Как раз у тебя будут лишние десять минут, чтоб к печаталке прогуляться.

Костя кивнул, а Семён побежал к себе.

— Ну что, Сенечка? — первой вопрос задала Галя.

— Больной скорее мёртв, чем жив.

— Что советует медицина? — подключилась Ира.

— Непрямой массаж кода.

Они посмеялись.

— Этот охламон хоть все тесты сделал? — Ира привыкла сразу брать быка за рога.

— Нет, конечно. Я его уже запряг. Через два часа в клювике принесёт.

— Правильно. Уже что-то наклёвывается?

— Вроде да. Сейчас проверю подозрительные места.

— Сеня, когда что-то найдёшь, пройди по цепочке вверх. Для всех вариантов.

— Да, Ира, ты права. Как всегда.

«Ирка — гений, — говорил Илья. — С такой головой могла бы отделом руководить. Не будь душой». Ирина «глупость» была в том, что она ни в какую не желала «выбиваться» в начальство. Предпочитала командовать своей семьёй: в 43 уже была бабушкой.

Вот и сейчас в двух предложениях была описана вся прелесть его ситуации: нужно перелопатить хороший кусок кода в нескольких направлениях. И на всё — восемь часов. Или отложить возвращение домой.

Семён вновь прочитал Костину распечатку. Медленно и внимательно. Ещё одно место выглядело подозрительно, сгоряча он не обратил внимания. Оба участка пересекались только в одной функции. Неужели проблема в ней?

Он вошёл в систему. Функция выглядела безукоризненно. Пошёл «по цепочке вверх». «Второй этаж» тоже не вызывал подозрений. Поднялся ещё выше. Здесь уже шли сами формулы. Он весь ушёл в эти сухие, короткие строки, плыл по ним, как рыба по быстрой реке. Вдруг его вытолкнуло на берег, он затылком почувствовал удар и острую нехватку воздуха. Что это? Семён уже минуту смотрел на одну и ту же строку. Конечно: этот коэффициент мог вычисляться неверно для экспериментальных марок стали. Глаза сами побежали вперёд. Та же ошибка встречалась ещё дважды. Начал исправлять — и остановился. «Прежде, чем что-либо писать, лучше выйти в туалет, — говорил в таких случаях Илья. — Процесс помогает сосредоточиться». Выходить не стал, а недостающую функцию написал минут за десять. Вскоре программа была готова. Где же Костя? Он схватил телефон. На десятом, что ли, гудке услышал: «Был сбой, сейчас только напечаталось. Уже бегу». «Заливает, мать его», — Семён положил трубку.

«Вот результаты», — Костя улыбался, был опять доволен собой и жизнью. Естественно, ему же не грозит торчать лишние дни в чужом городе. Так, посмотрим. Для трёх тестов всё было именно так, как он предполагал. Только последний результат выглядел странно. Семён посмотрел на входные данные. Что за бред?

— Костя, какая здесь марка стали?

— Ох ты, ёксель-моксель, — Костя даже покраснел, — прости, Сеня, забыл изменить. Сейчас переделаю. Пять минут.

— Нет смысла. Сделаем для новой версии.

— Да это же часа два для каждого теста. Как минимум. Умножь на пять.

— А нас двое. Шести часов должно хватить. Иди, я тебя сейчас догоню.

Илья и девочки уже собрались уходить.

— Сеня, какие новости? Летим вместе? Или тебе тут нравится?

— Вместе, Илюша. Если я вам до сих пор не надоел.

— А мы потерпим. Ты только приходи поскорее, — казалось, Ира покидает рабочее место с сожалением: будто месячной вахты не было.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — Семён говорил уже на ходу. — Пока.

Костя был не один: на стуле в углу сидел мастер. Семён остановился в дверях: для троих места никак не хватало. «Ну, билет сдал? Или всё никак не решишься?» «Решился, Сергей Николаевич. Лечу завтра. Со всеми». «Ты шутишь? Костя сказал мне о новой версии. Так её же проверить надо». «Вот мы сейчас этим и займёмся. Если хоть один тест свалится, остаюсь». «Не возражаю. Сколько времени тебе надо? Я же ночевать в цеху не собираюсь». «А мы переночуем. Каждому по три стула: чем не кровать?» Мастер засмеялся: «Ну, что ж, мне твой оптимизм нравится. Трудитесь». Он вышел, и Семён тут же занял освободившийся стульчик. «Делаем так: нечётные тесты — ты, чётные — я. И проверяем друг друга на каждом шаге. Поехали».

К десяти часам четыре теста были пройдены. Подготовку последнего разделили примерно пополам. Работы оставалось на несколько минут, когда в цеху погас свет. Семён успел сохранить свой кусок на диске. А Костя потерял всё, что внёс за последний час. «Твою мать, — орал он по телефону, — везёт, как утопленнику». Семён промолчал. Как только заработал генератор, добились и последнюю проверку. Больше неожиданностей не было.

Они почти бегом шли по эстакаде. Ночью мороз ещё усилился, было, наверное, под сорок.

— А ты молодец, Сенька. Дал копоти, — Костя был серьёзен, даже грустен.

— Домой захочешь — дашь. В автобусе поговорим, Костя. На этом ветрюгане не тянет.

Вокруг была крошечная темень, фонари не работали. «Ну и славно», — подумал Семён. Он вспомнил, как пару дней назад утром на этом же месте повернулся спиной, пережидая зверский порыв ветра — и увидел четыре трубы, стоящие примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. «Дети разных заводов» активно выбрасывали в воздух густой разноцветный дым. Захотелось нацепить респиратор, которого не было. Или просто не дышать. Он тогда сплюнул — и зашагал быстрее.

До остановки оставалось метров двенадцать: нужно было только перейти дорогу, освещённую первым горящим фонарём. Внезапно из-за угла вылетел ярко-красный фургон и, не снижая скорости, понёсся прямо на них. Они отскочили в сторону. Семён успел разглядеть лицо водителя: тот смотрел прямо перед собой, не реагируя ни на что вокруг. Похоже, он их просто не видел.

— Ах ты, падла, — Костя тряс кулаком вслед уже скрывшемуся автомобилю. — Чуть не наехал.

— Пьяный, что ли? — Семён почувствовал дрожь в пальцах. Что-то чудовищно-нелепое просвистело рядом.

— А как же... Давил бы таких тварей.

— Пока что они нас давят. Костя, ты женат? — Семён поймав себя на мысли, что они ещё ни разу не говорили. Только о работе.

— Естественно... Дочке год.

— А моей полтора.

— Так вот к кому ты спешишь. Понятно.

Подожёл автобус. Последний. Следующий был уже утром.

2012

ЗВОНОК

I

«И, как обычно, на закуску: планы каждого из нас на неделю».

Коби по обыкновению в конце еженедельной летучки давал слово всем. По две минуты на рабочую душу.

«Удачной недели!», — все встали, чтобы разойтись по своим местам. Семён подошёл к начальнику.

— Коби, у мамы завтра утром очередь к хирургу. Мне надо быть с ней. А уже после больницы поеду на работу.

— Хорошо, Семён. Только постарайся сегодня разобраться с ошибкой в базе данных. Чтобы быть уверенным, что она не твоя.

— А что с новым проектом? Там тоже время не терпит.

— Отложи. Это важнее.

Семён был слегка озадачен: встречу, назначенную на сегодня, отменять было уже поздно. Ничего не оставалось, как продолжать работу в обычном режиме.

Время неслось, как угорелое. Он встретился с заказчиком проекта и с программистом из соседнего отдела. Вроде бы ни о чём лишнем не говорили — а два часа улетучились. Мысль об ошибке торчала в мозгу, как ссадина. Он внёс изменения больше месяца назад, после него базу трогали ещё двое, но подспудно, печёнкой он ощущал, что всё завязано на нём. Нужно было поговорить с парнишкой, занимающимся системной поддержкой, но тот был всё время занят. А собственная проверка не давала почти ничего.

Наконец, они состыковались, хотя до конца рабочего дня оставалось всего ничего. Семён старался изъясняться как можно лаконичней, но собеседник был, как на иголках. Ничего не оставалось, как отложить продолжение на завтра. А пока переваривать ту информацию, которая была получена.

Дома новостей, увы, не было. Они каждый день ждали звонка от дочери. Ей ещё не исполнилось восемнадцати, а она уже полгода была «под ружьём»: выпросила себе досрочный призыв. И, как только началась заварушка на севере, оказалась в Цфате. И пропала, успев, правда, предупредить, что несколько дней звонить не сможет. Им с женой оставалось только успокаивать друг друга.

Мама тоже не прибавляла оптимизма. Её выписали из больницы неделю назад с двумя трубками — и она каждый день повторяла, что это не жизнь. Семён считал дни до визита к хирургу, который должен был помочь.

По крайней мере, так уверяли при выписке.

— Мамочка, врач тебя осмотрит и вытащит эти чертовы трубки, — он так часто повторял фразу, что уже верил в неё. — Потерпи ещё немножко.

— Это он тебе сам сказал? Или ты только что придумал? Их не для того ставили, чтобы через месяц вынимать. Наверное, так и придётся мучиться. Сколько ещё осталось...

— Прекрати немедленно. Чтобы я этих разговоров больше не слышал.

Мама замолкала. И заводила ту же песню через два часа.

II

— Объясни мне, где написано, что я должен вынуть эти трубки? Прочтём вместе, хорошо? Вот что написано: рекомендуем проверить возможность. Разница понятна? Я говорю на иврите, — хирург явно терял терпение. Семён сам просил более чёткое заключение, но его убедили, что и рекомендации достаточно. А теперь выяснялось, что нет.

— Мне всё понятно. Поймите и вы. В истории болезни написано, что трубки поставили временно и обязательно вытаскивают после окончания лечения.

— Будь добр, оставь свои рассказы себе. Где эта история? Чего ты хочешь от меня? Вначале нужно проверить состояние матери, а уже потом что-то решать с трубками.

— Что вы посоветуете?

— Закажи очередь для проверки, вот направление.

— Когда это будет? Приблизительно?

— Неделя — две. Минимум.

— А результат?

— Ещё через пару недель. Всё зависит от него.

— Иными словами, минимум месяц мама должна ходить, как сейчас. А что будет через месяц? Одному Богу известно.

— Конечно. Или принеси мне историю болезни. Сегодня же. Посмотрим, что там написано. Всё, меня другие пациенты ждут.

— Уже уходим.

Они вышли из кабинета.

— Ну что? Ничего делать не будут? Сеня, о чём вы полчаса говорили? — мама хотела убедиться, что была права, не ожидая от визита к врачу ничего хорошего.

— Не полчаса, а пять минут. Мама, подожди меня здесь, поговорим потом, — Семён не хотел отвлекаться на бесполезные объяснения.

III

Усадив мать в кресло, он побежал в отделение, откуда их выписали только на прошлой неделе. Ему повезло: навстречу по коридору шли зав. отделением и врач. Именно тот, который выписывал маму... Семён извинился и быстренько рассказал о своей проблеме. Врач понял с полуслова.

— А какой хирург принимал вас сегодня?

— Доктор Бирштейн.

— Ну и как? Он вас хоть выслушал? Или сразу стал требовать историю болезни?

— Выслушать-то выслушал, — Семён старался сдерживаться, — но мог бы быть чуть вежливее.

— Понятно, — зав. отделением быстро набрал телефонный номер.

— Да, речь о моей пациентке. Прекрасная старушка — и сын такой преданный... Нечасто встретишь. Скажи своему Бирштейну, чтобы был поделикатнее... Нет, никто не жалуется. Но сам понимаешь... Отлично... Спасибо.

— Возьмите историю болезни и подойдите к нему ещё раз, — это относилось уже к Семёну. — Удачи!

— Наш архив на третьем этаже, — напомнил на прощание врач. На всякий случай.

Через пять минут Семён сидел в архиве гинекологии. Секретарша дважды просмотрела все папки, но нужной среди них не оказалось.

— Когда вас выписали? — Семён назвал дату и время.

— Ну, конечно. У нас папки хранятся ровно неделю. Сегодня утром вашу передали в архив больницы.

— Где этот архив? — Семён почувствовал, что радость испаряется.

— Да тут недалеко. Через дорогу.

IV

Прежде, чем идти в больничный архив, подскочил к маме. Она ничего не хотела слушать.

— Сеня, что я здесь высидиваю? Поехали домой.

— Мамочка, ещё чуть-чуть. Мы с врачом не закончили.

— Что вы там не закончили? Ты хочешь, чтобы он нас опять выгнал из кабинета?

— Никто нас не выгонял. Не волнуйся, я тебе потом всё объясню.

— Когда потом? Сколько можно тут сидеть?

— Десять минут...

Позвонил Коби: нужно было предупредить, что задерживается. Длинные гудки. Он набрал телефон Мирэль, работавшей с ними в одной комнате. Весёлый женский голос ответил сразу.

— Привет, — Семён решил не вдаваться в подробности. — Передай, пожалуйста, Коби, что я задерживаюсь. Когда приеду? Надеюсь, около трёх. Если ничего не помешает. Спасибо. Пока.

В архиве от обилия бумаг он в первую секунду даже растерялся. Служащая внимательно выслушала его, не скрывая удивления.

— А вы уверены, что папка у нас? Сколько раз бывает, что собираются передать, а приносят только через несколько дней.

— Уверен. В отделении при мне несколько раз проверили все папки. До единой.

— Но у нас её тоже нет. Наверняка.

— Давайте проверим вместе, — Семён не сомневался, что недоразумение сейчас уладится.

Женщина подошла к ближайшему стеллажу и пересмотрела его содержимое. Ничего похожего действительно не было.

— Вот видите, я же говорила. Они куда-то приткнули папку и забыли.

— Хорошо, сбегаю в гинекологию и проверю ещё раз. Когда у вас обеденный перерыв?

— Через сорок минут.

— Я вернусь через двадцать.

Семён помчался назад, в гинекологию. Секретарше даже не понадобилось ничего объяснять.

— У них там чёрт ногу сломит. Давайте ещё раз проверим вместе.

Они внимательнейшим образом всё перебрали. Куда могла подеваться немаленькая папка? Не иголка же, чёрт возьми! Что делать? Вечный русский вопрос. Даже в Израиле.

— А вы попросите Ронит проверить свой стол. Она иногда совсем свежие папки кладёт в ящик, а возвращается к ним через день-два.

V

Ронит встретила его, как старого знакомого.

— Куда ты пропал? И номер телефона не оставил: бегать бы не пришлось. Вот папка. Её принесли только два часа назад, я даже не открывала.

Семён быстро листал знакомые страницы. Вот она, нужная запись. Теперь есть, с чем идти к хирургу.

— Ронит, разреши, пожалуйста, скопировать несколько листов.

— Мы не даём пациентам копировать документы.

— Мне нужно показать их хирургу. Иначе он меня просто не примет.

— Понимаю, но не могу: у нас строгие инструкции.

— А как тебе такой вариант: я показываю листы хирургу и потом рву их на клочки. Подходит?

— Вроде. Только не забудь всё порвать. Копировальная машина за углом.

Семён вначале скопировал только самый важный лист. Убедившись, что его не просят уйти, продолжил. Скоро почти вся «история» была готова для показа. Ронит как будто перестала обращать на него внимание.

Он посмотрел на часы: Бирштейн заканчивал приём меньше, чем через час. Отдал папку, которая теперь оказалась на стеллаже. И двинул к хирургу.

Мама встретила его без малейшего восторга.

— Где тебя носит? Надо же совесть иметь. У меня уже никаких сил не осталось.

— Мамочка, всё в порядке: вот твоя история болезни.

— И кому она нужна? Зачем тебе её дали?

Дверь открылась, из кабинета врача вышла очередная пациентка. Семён бросился к двери.

— Я уже был у врача. Повторное посещение, — слова сразу пригасили недовольство очереди.

VI

— Припёрся? Ну и ну... Всякий стыд потерял... — врач не пытался скрыть своего возмущения. — Хочешь, чтобы меня уволили? Лишить моих детей куска хлеба?

— Ничего не понял. Вы меня ни с кем не перепутали? — Семён сразу догадался, о чём речь, но играл «по правилам», к которым давно привык.

— В самом деле? Ангелочек с крылышками... Что ты сказал моему зав. отделением, ангелочек?

— Я с ним не говорил. А сказал, что вы могли бы вести себя с нами вежливей. Или не могли?

— Какая разница, мог или нет. Что ты принёс?

Вместо ответа Семён положил перед врачом историю болезни.

— Ну что ж, совсем другое дело, — от недавнего раздражения и следа не осталось. — Молодец. Что же мне с вами делать? — Семён чувствовал, что врач додумывает свою мысль прямо здесь, при нём. On-line.

— Сколько маме? — решение было принято.

— Восемьдесят четыре.

— Как тебе такой вариант: по состоянию здоровья я рекомендую твоей матери немедленную госпитализацию, скажем, во внутренней хирургии. Все необходимые проверки там сделают за два-три дня. А потом и с трубками разберутся. Согласен?

— Разумеется.

— Мать возражать не будет?

— Ни в коем случае.

— Всё же спроси. А я пока подготавливаю направление.

VII

Мама дремала. Увидев его, тут же была готова выдать заготовленную тираду, но Семён дожидаться не стал.

— Ты хочешь избавиться от трубок?

— Сеня, зачем спрашивать?

— Врач предложил тебе остаться в больнице. Там всё сделают.

— В каком отделении?

— Он говорил о внутренней хирургии.

— Ну и что? Я должна дать согласие?

— Я уже дал. За тебя.

— А когда мы туда пойдём?

— Через пару минут. Врач нас вызовет.

— Как это у тебя получилось? Он же не собирался.

— Какая разница? Главное, что собрался сейчас.

Хирург, выйдя из кабинета, направился к ним.

— Мать согласна? — вопрос был почти риторический. Семён кивнул. — Ну и славно. Вот направление. Идёте с ним в отделение — и остаётесь там, сколько потребуется. Кстати, историю болезни передашь им. Доволен? — врач улыбался.

— Спасибо, — Семён почувствовал, что смотрит на врача иначе, чем четверть часа назад. Но осадок остался. Почему человеческое отношение к себе приходится выгрызать зубами? Даже в стране, населённой твоим народом...

До внутренней хирургии добирались по длинным больничным коридорам минут двадцать. Дежурная сестра, приняв документы, попросила подождать: пересменка. Семён решил воспользоваться паузой, чтобы связаться с Коби. И вновь неудача. После пятого гудка отключился — и набрал Мирэль. Палочку-выручалочку.

— Ну, как ты там? Едешь?

— Нет, к сожалению. Вообще сомневаюсь, что сегодня паду на работу. А где Коби?

— Очередное заседание. Жалуются, что совсем работать не дают.

— Мирэль, я тут думал об ошибке в базе данных. Похоже, она моя. Когда вносил последнюю правку, был системный сбой, а я, вместо того, чтобы всё отменить, решил продолжить. И вроде бы получилось. А вчера вычитал, что это чревато будущими проблемами. Передай Коби. И поговори с Реувеном.

— Семён, не волнуйся, всё передам. А с Реувеном мы и так скоро встречаемся. Так что спокойно занимайся своими делами. До завтра.

— Спасибо, Мирэль. До завтра.

VIII

Прошло, наверное, полчаса, пока их вызвали: за это время персонал успел смениться. Семён подробно отвечал на вопросы новой сестрички.

Маме выделили место в палате. Он сел на стул рядом с кроватью и стал ждать дежурного врача.

Врач подошёл через час. Они поговорили и о предыдущей госпитализации, и о предстоящей. Семён напомнил, что трубки просто мешают жить.

— Это же всё равно, что нормального человека превратить в инвалида. Она прямо на глазах меняется.

— Не нужно драматизировать. Мы сделаем проверки. Если онкологи ничего не найдут, оставлять трубки ни к чему, — он кивнул Семёну и вышел.

— О чём он говорил? Сколько мне здесь оставаться? Они собираются что-то делать? Или он ещё сам не знает? — мама забросала его вопросами, как будто компенсируя своё вынужденное молчание.

— Главное: не волнуйся. Тебя здесь проверят и если, даст Бог, всё будет в норме, трубки уберут.

— Ну да, у тебя всё сразу делается. А как будет на самом деле, ты и понятия не имеешь.

— На самом деле будет только лучше. Скоро у них ужин. Поешь, пожалуйста, хорошо. Чтобы были силы. А я, пожалуй, потопая. Приду завтра.

— Отдохни, Сенечка. А то я тебя совсем замучила.

— Никто меня не мучил. Не скучай тут, ладно?

IX

Шёл шестой час, о приходе на работу нечего было и думать. Семён уже выходил из здания, когда зазвонил мобильник. Жена.

- Как там у вас?
- Маму оставляют в больнице.
- В каком отделении?
- Внутренняя хирургия.
- Это, может, и к лучшему. Разберутся там со всеми трубками. Сенька, танцуй!
- С какой стати?
- Только что звонила Динка. Она едет домой.
- Наконец-то! — он почувствовал, что даже воздух, душный предвечерний июльский воздух изменился. Стал прохладней, свежей, что ли. — А почему она не звонила столько времени? Не понимала, что мы с ума сходим?
- Им запретили. Эти твари из «Хизбаллы» отслеживали телефонные звонки.
- Их обстреливали?
- Господи, конечно! Динка сказала, что у одной девочки был нервный шок после взрыва. Её даже домой отпустили...
- А что ещё она говорила?
- Ты что, свою дочку не знаешь? Хотела бы там ещё остаться на несколько дней, но всю их команду сменили. А тут, в центре, ей, видите ли, будет скучно. Ладно, поговорим дома.
- Классно. Целую.

На подходе к Шауль-на-Мэлэх¹ раздался новый звонок.

— Семён, как дела? — это был Коби.

— Маму оставили в больнице. Я только что освободился.

— Понятно. Что, за целый день нельзя было позвонить? Ты знаешь, что ошибка в базе данных — твоя? Мирэль с Ревуеном сейчас выяснили.

— Коби, я звонил два раза. Мирэль ничего не передавала?

---

¹ Улица в центре Тель-Авива.

— О чём ты? Мирэль целый день долбилась с этой дурацкой ошибкой, которая в результате оказалась твоей. Поговорим завтра, — после секундной паузы разговор прервался.

Он остановился посреди перехода на островке безопасности, пытаясь переварить услышанное. Только через минуту, вернувшись к действительности, оказался на другой стороне улицы.

Завтра что-то объяснять, доказывать будет бессмысленно: этот рабочий день может оказаться последним. Но сегодня он спешил домой. И, увидев нужный автобус, побежал к остановке. Как мальчишка. Седой пятидесятилетний мальчишка.

Июль 2012

МИЛАШКА

Ночь

Семён заснул не сразу, хотя в сон тянуло ещё на лестнице. Что-то не отпускало, будто разговор с Ильёй продолжался. Он даже не почувствовал, как густое марево обволокло со всех сторон. И в этом тумане рядом с ним была Мила. Здесь, в его спальне, на месте жены. Улыбаясь, она щёлкнула пальцами — и петелька, свисающая с потолка, захлестнула семёново горло. Он судорожно пытался ослабить удавку, бессильно болтал ногами, ловил ртом клочки воздуха и неотрывно, как одурманенный, смотрел в ласково-гробовые глаза. Пока воздух не кончился...

Очнувшись от кошмара, ощупал одеяло, простынь, подушку. Рядышком спокойно спала Инна. Неожиданно засмеялся. Громко, во весь голос. «Сенька, мишигинер!¹ Ночь на дворе. Спи, алкашка!» — жена, повернувшись, въехала ему волосами прямо в нос. И тут же заснула снова.

Вечер

Они сидели в углу небольшого уютного зала. Заказ уже был сделан, и стол быстро заполнялся.

— Ну, рассказывай — Илья щедро плеснул коньяк в его рюмку, а себе лишь покрыл дно. — Опять Мила? Она же тебе нравилась. Инка, наверное, даже ревновала.

---

¹ Больной на голову, сумасшедший (*идиш*).

— Прямо ревновала! Хорош заливать. Ты ещё скажи, что мы спали.

— Сенька, я, между прочим, «заливаю» с твоей подачи. Ты же меня уверял, что она к тебе сказочно относится. Прямо на руках носит... Так что там у вас стряслось?

— Ничего особенного. Мила отобрала у меня новый проект.

— Как? Тебе же его дал... ну, ты рассказывал, ваш общий шеф.

— Да. Только он ушёл — или его ушли, хрен поймёшь. Вот Мила и подсуетилась. Просто вышибла меня — почти без объяснений.

Семён поймал себя на мысли, что ковыряние в собственных проблемах не раздражает. Потому что он был не один. И проблемы вроде бы делились пополам.

А Илья только входил в раж. Чувствовал себя исследователем. Частным детективом...

— Что тут объяснять? Ты ей, наверное, чем-то мешал. Ведь тебе дали проект через её голову.

— Илья, сколько лет мы знакомы? Я когда-то кого-то подсиживал?

— Сеня, ты ещё скажи о своей врождённой порядочности.

— А что, порядочность — глупость?

— Не глупость, Сенечка. Дебилизм. А твоя Милочка своего не упустит. Тех, кто поперёк дороги встанет — в порошок сотрёт... Тебя, например.

— На мне что — свет клином сошёлся?

— Получается. Похоже, проблема вообще не в ней. В любом из нас куча дерьма: такова, уж извини, человеческая порода. Но ведём-то мы себя по-разному. Та же Мила... Она ведь не каждому гадит на голову. Или я не прав? Получается, что ты вроде катализатора, а ей ничего другого не остаётся. Понимаешь? Мне её даже жалко, честное слово.

— Хватит. Весь аппетит отбил. Давай лучше выпьем.

— Всегда пожалуйста. Ты что, обиделся? Зря. Давай, я уже налил.

Семён встряхнул головой и поднял рюмку. Будто защищаясь от кого-то, глотнул острую, пахучую жидкость. Стало легче, даже захотелось есть. Посмотрел на друга: тот энергично работал челюстями.

Через несколько минут появилось приятное чувство сытости и, наперегонки с ним, заявил о себе мочевого пузырь. Облегчившись, долго изучал собственное отражение, пытаясь разглядеть признаки дебилизма. Отражалась, увы, вполне разумная физиономия, усталая, грустная, нетрезвая. Оторвавшись от зеркала, начал медленно спускаться по лестнице. Перед ним был знакомый зальчик, куда они ходили несколько лет. «Вкусно и недорого. Что ещё надо бедному еврею?» — кажется, так сказал Илья после первого прихода. Телевизоры вдоль стен, мягкий свет, негромкая музыка — он воспринимал это, как функцию отдыха. Расслабухи. Официантка, обслуживавшая их, пробежала к другому столику. Фирменная майка, оставлявшая открытой узкую полоску спины, продолжалась каким-то странным завитком. И что-то похожее было сверху, между лопатками. «Ни хрена себе! На всю спину», — Семёна передёрнуло, будто рисунок был на нём. Татуированная девочка двигалась легко и свободно. Функция удобства. Соответствия месту.

Взгляд сместился дальше. Илья смотрел куда-то в сторону, лицо его было сосредоточенно и печально. Человек, для которого проблемы другого не были чужими. Функция дружбы.

Он сел за стол и несколько секунд наблюдал за приятелем. Наконец, Семёна заметили.

— Знаешь, о чём я подумал: Мила же прирождённая актриса. Ей бы на сцену, а она в хайтеке прозябает.

— Прямо прозябает! На её-то должности.

— Всё равно, будь она хоть десять раз начальница. Работенка достаточно монотонная, драйва маловато. Ну, разве что развести какого-нибудь лоха, который, кроме работы, ни о чём не думает.

Семён хмыкнул: роль лоха была сыграна им безукоризненно. От души.

Официантка принесла счёт. Расплачиваясь, задал последний вопрос. На посошок.

— А дальше-то что?

— Как что? Выпрут тебя, как миленького. После первой же ошибки. А у кого их нет?

День

— Мила, что случилось? — Семён не понимал, чем вызвана эта экстренность: все детали были обсуждены раньше. Оставались лишь последние согласования с новым начальством. Поскольку добро от прежнего было давно получено.

— Ситуация изменилась. То, что ты предлагаешь, требует слишком много времени. Поэтому возвращаемся к нашему первоначальному плану.

— Какому первоначальному плану? — не хотелось верить собственным ушам.

— Повторяю: ситуация изменилась. Твоё участие в проекте кажется нецелесообразным. Сеня, что здесь непонятного?

Голос звучал так дружелюбно, что он почти машинально посмотрел Миле в глаза. И оторопел. Этот взгляд топтал, расчленял, кромсал на куски. Семён почувствовал себя жалкой, никчемной букашкой. Грегором Замзой. В ту же секунду лицо Милы стало привычно-вежливым, будто палаческого взгляда, который полоснул его только что, не было. Потому что не могло быть. Никогда.

Утро

Каждый день, приходя на работу, он настраивал себя на что-то хорошее. «Ох, Сенька, не нравится мне твой оптимизм, — говорила жена. — Что-то здесь не так. Остерегайся её». Он отмахивался. Обаятельная москвичка уже полгода была его руководителем. Умное, красивое лицо, открытый взгляд, добрая улыбка. Не может же она постоянно притворяться?

Открыв почту, увидел послание от Милы. Легка на помине. Странно: зачем им встречаться сегодня? Ну, да ладно. Узнаю при встрече...

2014

ИНТЕРВЬЮ

День начинался с дождика, который, довольно скоро выдохся, оставив после себя только мокрые тротуары и запах свежести. «К удаче», — думал Семён, выходя из дома и вспоминая народную примету. Она ему сегодня совсем не лишняя. Это интервью было первым после долгого перерыва. К тому же в солидной конторе. Ощущение света, исподволь вылепившееся из окружающего пейзажа, хотелось сберечь в себе — и заразить им тех, с кем придётся встретиться.

Через час входил в нарядный вестибюль огромного здания в городе, названном в честь человека, придумавшего их старо-новую страну за полвека до того, как она возникла. Ощущение удачи по-прежнему жило в нём, грея и радуя. Через несколько минут, весело глядя на будущего собеседника, поднимался в лифте. Дуду, молодой и симпатичный, завёл его в небольшую комнату, где их, скучая, ждал третий, примерно его возраста. Процедура началась. Вопросы задавал молодой, а напарник с трудом подавлял зевок. Семён старался держаться посвободней. Вроде получалось, тем более, что вопросы не слишком утомляли. Они проговорили с полчаса, по видимости, вполне довольные друг другом. Наконец, ему предложили задачу. Начал решать, по-прежнему чувствуя внутри свет. Доска была почти исписана, когда до него дошло, что решение не лучшее. Пришлось объясниться на словах. Казалось, его слушали доброжелательно. Третий, всё время продремавший на стуле, теперь стоял рядом и сжимал в руке листок. Не успел Семён договорить, как тот сунул ему условия новой задачи, всем своим видом показывая, что решать тут нечего. Семёну так не казалось. Стоя возле доски, чувствовал на себе взгляд человека, которому просто жаль тратить непонятно на что драгоценное время. И вдруг ощутил, что пол, только что бывший надёжной опорой, куда-то плывёт. Если бы можно было хоть на минуту

присесть, собрать рассыпавшиеся мысли. И вызволить собственную радость, которую резали на куски. Машинально посмотрел на молодого, но не углядел даже тени сочувствия. Вдруг вспомнился рассказ о паре следаков, добром и злом, раскалывавших любого, кто попадал им в руки. Даже если тот не был ни в чём виноват.

«До сих пор непонятно?» — он не успел открыть рот, как услышал не подсказку, нет: готовое решение. И, недоумевая, сообразил, что делал подобное множество раз. Что сегодняшней сбой памяти запрограммирован тем, кто сейчас самодовольно улыбался.

Едучи в обратный путь, пытался понять, чем вызвана эта неприкрытая злоба. Жена ушла? Деньги на бирже профукал? Или просто так — из любви к искусству...

Парочка «следаков» шла в столовую. Времени до следующего интервью было достаточно.

— А этот Семён мне вначале даже понравился, — сказал молодой, уважительно глядя на напарника. — Пока ты ему не врезал. Классно, Авиноам. Прямо в челюсть.

— Учись, Дуду, пригодится, — старший в предвкушении трапезы был настроен благодушно. — На хрена с каждым церемониться? За дверью их целая очередь.

**ПРАЗДНИК.
ПАМЯТИ МАТЕРИ**
Стихотворения в прозе
(Июнь 2016 — январь 2017)

ЧЁРНЫЙ ИЮНЬ. ТРИПТИХ

Палата № 402

Послеобеденный звонок не предвещал ничего особенного. Звонила старшая медсестра. Официальным тоном сообщила, что решила перевести маму в другую палату. Он воспринял это спокойно.

Вечером был в больнице. Новая палата, где койки стояли впритык, а шумная, хамоватая соседка не реагировала ни на кого, кроме собственной персоны, произвела впечатление. Похоже, не только на него. Мама стала ещё меньше, тише, незаметней, будто старалась отгородиться от всего внешнего, герметично замкнуться в себе. Вчера этой герметики не было.

Утром попытался поговорить со старшей сестрой — и пожалел об этом. Цветущая женщина, вооружённая дежурной улыбкой, втолковывала ему, что он ничего не смыслит ни в условиях содержания пациентов, ни в состоянии собственной матери. А необоснованные опасения лучше держать при себе.

Удивлённый, подавленный, обратился к врачам, но его даже не стали слушать. Причину перевода не объяснял никто, ни словом, ни намёком. За ненадобностью.

Уходя, поймал себя на мысли, что уверенности в своей правоте нет. Может, он действительно делает из мухи слона? Тем более, что так думают все вокруг. Вдруг они понимают больше? А его боязнь новой палаты — просто паранойя? Если бы страх можно было вытащить наружу, заговорить, обезвре-

дить... Но как? Особенно страх, возникший на пустом месте... Да и соседка, пусть неприятная, грубая, злобная... Не ведьма же, не вампириша... У самой еле-еле душа в теле...

Самовнушение не срабатывало. Казалось, опасность крутится рядом, совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. Той самой, которая только что гладила мамино лицо, а сейчас машинально постукивала по колену.

До развязки оставалось десять дней.

Отражение

«Мамочка, открой глаза. Ну, пожалуйста, посмотри на меня», — собственный голос звучал жалобно, жалко, противно. Если бы его так просили, хрен бы что-то сделал. Вот и мама не реагирует. Да и что можно здесь увидеть? Койку? Тумбочку с лекарствами? Соседку по палате? Его самого — седого, староватого, долдонящего одно и то же?

Она слушала сына и не понимала, что делать. Всё куда-то уплывало, даже звуки. Где её комната? Как она оказалась здесь, в больничной трясине, куда засасывало всё глубже? И чего он хочет, зачем пристаёт? Открой глаза, открой рот, жуй, глотай... Зачем? Чтобы завтра повторилось то же самое? Та же бессмыслица? Даже встать, просто встать уже нельзя. Кто это придумал? Когда она перестала что-то значить? Не для кого-то — для себя... Что делает этот навязчивый, скучный человек? Куда подевался настоящий — весёлый, улыбчивый мальчик, смотрящий на неё глазами мужа? Где её жизнь? Неужели здесь, где всё чужое? Даже сын...

Вдруг там, внутри возникла странная картина, похожая на ожившую фотографию. Она лежала на мелководье. Тёплая, солёная вода будто ласкалась к ней. А сзади были её мужчины, её мальчики. Муж — взрослый, красивый, сильный. Стар-

ший сын, худой и шустрый. На руках у мужа — младший, совсем крошечный, чья ладошка упиралась в её плечо. Их взгляды были ещё ласковей, чем морская вода. Время, её время, нежно обтекало со всех сторон.

Она посмотрела на сына. В грустных глазах, неотличимых от отцовских, в их влажной глубине увидела себя. Ту, счастливую, тридцатилетнюю, омытую волной Чёрного моря...

Сына трясли за плечо. Его завели в кабинет, в котором он уже был чуть больше часа назад. Врач что-то говорила, объясняла, оправдывалась. Для чего? Всё было понятно сразу, ещё до слов.

Мамины глаза оказались открытыми. Была, наконец, исполнена его просьба. Последняя просьба.

Чёрный июнь

Граница между жизнью и смертью... Где она проходит? Какова её ширина? Секунда? День? Месяц? Или границы нет? Да, жить — это «медленно рождаться». Но ещё жить — это быстро умирать. Сколько бы человеку ни было суждено — до чего ж это мало, непоправимо, прискорбно мало!

Июнь, лишивший меня матери, я не проклинаю тебя. Ты был её последним месяцем, ты дышал вместе с ней, а она — вместе с тобой. И когда мамино дыхание прервалось, ты тоже задержал вдох, пусть на одно мимолётное, еле заметное мгновение. Длиной в человеческую жизнь.

Июнь 2016

ГАЛОЧКА

Как он оказался на улице, насквозь продуваемой ледяным ветром? Куда шёл, лихорадочно вертя головой из стороны в сторону? Рядом никого не было, впереди находился всего один дом. Зашёл внутрь, поднялся по лестнице. Звонки, второй, третий. Толкнув дверь, обнаружил, что она не заперта. Оказалось, это его квартира, в которой жили чужие люди. Но сейчас здесь было пусто, да и обстановка ничем не отличалась от давнишней, будто никто никуда не уезжал. Даже огромный буфет, памятник детства, со всеми бесчисленными ящичками, полками, дверцами стоял на прежнем месте.

В спальне почувствовал, что он не один. «Здравствуй. Спасибо, что заглянул, — в отцовском голосе не слышалось ни упрёка, ни горечи. Только радость узнавания. — Мама? Только что была. Ей же многих надо повидать, не только меня. Иди, сынок, не задерживайся. Тебе здесь делать нечего...»

Голос действовал, как наркотик. Крутнулся на каблуках, выскочил на лестничную клетку, сбегал вниз — и очутился внутри другого дома, совсем незнакомого. В списке жильцов значилась мамина фамилия. Входя в комнату, уже знал, что его ждут. «Кого ищешь? — говоривший казался таким молодым, что он на секунду даже усомнился, ту ли выбрал дверь. — Галю? Рива, слышишь? Голда уже не подходит. Шучу, малыш, шучу: Галя так Галя. Она же на врача учится, в Днепропетровске. Ты оттуда? Как же вы не встретились?»

Он опять бежал, но сейчас кто-то находился рядом, показывая дорогу. Вокруг был уже не город, а деревня, местечко.

Ноги сами несли вперёд, к невзрачному домику, окруженному низким частоколом. Пересёк порог одновременно со своим невидимым спутником — и замер. «Брайна, смотри, кого я привёл, — дедушка уже обо всём догадался. — Только не удивляйся, ладно? Сын нашей Голды, прошу любить и жаловать. Кстати, он зовёт её Галочкой. Как тебе нравится?» Бабушка рассмеялась так весело, что стало обидно. — «Ну ты и выдумщик. Маленькую только что покормила, она спит. Мутэр¹».

Брайна и Аврум стояли рядом, он чувствовал на себе их взгляды. «А ты откуда, внучок?» — юная женщина явно не верила никаким байкам. «Из Израиля», — дедушка не давал ему даже рта раскрыть. «Из Палестины, что ли?» — Брайна разом стала строгой, печальной. — «И Голда там будет? Что ж, счастливого пути! Мне не довелось, так пусть хоть дочка доберётся. Ты уж смотри — береги её. Видишь, какая красоточка. Вылитый Аврумчик».

Он подошёл к колыбельке — и взял... Нет, это не он, это Аврум взял малютку на руки. «Не волнуйся, Брайночка. У неё была хорошая жизнь. А ты уходи, мальчик. Дорогу найдёшь? Вот и славно».

Он стоял на том же месте, с которого начались поиски, только ветер стал немного тише. Еле передвигая ноги, пошёл прочь. К самому себе. Домой.

Июль 2016

---

¹ Мама (*идиш*).

МАМЕНЬКИН СЫНОК

Я вырос маминым сыном. Ничего оригинального в этом нет. Одно из первых воспоминаний, едва ли осознанных: мама купает меня, трёхлетнего, и окунает с головой. Я плачу, кричу: «Моя мама хотела меня утопить!» В ответ — смех, поцелуи.

Через тридцать лет тот же трюк проделан мной, но годовалая дочка ограничилась обиженной гримаской. А после «просчитывала» меня — и в нужный момент задерживала дыхание.

Девятый класс, русская литература, суперважное сочинение. Вечером столько раз перечитываю свой опус, что забываю его дома. Пропажа обнаруживается перед самым началом урока. Готов кусать локти: двойка неминуема, да и оценка за четверть будет снижена. Вдруг дверь открывается, в класс влетает мама. Молча кладёт злополучную тетрадку на парту, и, улыбнувшись, исчезает. Не успеваю сказать ни слова, только мой рот изумлённо раскрыт: она же из-за меня опоздала на работу! В ту же секунду, будто по команде, дребезжит звонок.

Мне тридцать, я только женился, отношения с женой не складываются. Мама уезжает, чтобы мы, оставшись вдвоём, попытались друг друга понять. Но молодая жена ни в какую не хочет приходить в квартиру, где, кроме нас, никого нет. После моих увещаний выдавливая из себя, что ей неприятно там бывать даже в мамино отсутствие. Теперь разрыв неминуем, при всей моей тогдашней влюблённости. Как и вторая, настоящая женитьба.

Мне пятьдесят, маму везут на операцию, третью за полтора года. Лепечу какие-то успокаивающие слова, в которые сам не верю. И тут, на пороге операционной, хирург с улыбкой произносит: «Спроси у мамы, какие у неё планы на следующие десять лет жизни?» Переводя, не могу сдержать удивления. Мама не верит своим ушам, но её настроение меняется. Фантастика: врач был прав!

Позапрошлый год, мне почти шестьдесят, одна из привычных израильских заварушек. Из Газы каждый день летят ракеты, некоторые долетают к нам. А у нас ежевечерняя прогулка. Когда раздаётся вой сирены, переходим через дорогу и останавливаемся между двумя магазинчиками: какая-никакая, а защита. Мама дышит ровно, спокойно. Тревога заканчивается, я спрашиваю: «Продолжим?» — и получаю утвердительный ответ.

В подъезде, поднимаясь по лестнице, слышим вторую сирену. «Совсем не страшно?» — не удерживаюсь я. Мама смеётся. Госпиталь, где она служила, был в 25 километрах от передовой. Что для неё арабские болванки после фашистских бомб?

Апрель нынешнего года, мама почти три месяца в больнице, об улучшении нечего и мечтать. Напоминаю, что сегодня день рождения жены. Мама берёт телефон и поздравляет невестку так уверенно, радостно, что во мне невольно вспыхивает гордость. Надежда на чудо, наше еврейское чудо вновь оживает. Прощальная, умирающая последней.

Август 2016

ПРОГУЛКА

Декабрьское утро было тихое, светлое, радостное. Хотелось думать только о хорошем. Позавчера маму выписали из больницы — и он хотел возобновить ежедневные прогулки. Когда выходили из подъезда, спросил: «Пройдём наш круг?» — и увидел по выражению глаз, что мама не против. Они потихоньку удалялись от дома. С каждым шагом его настроение повышалось. Может быть, врачи в больнице — просто перестраховщики? Ведь мама спокойно идёт рядом, как месяц или год назад. Они дошли до первой лавочки, посидели несколько минут. Пошли дальше, отдохнули вновь. Когда поднялись и продолжили, выпалил: «Умница моя!» На душе было так легко, что хотелось петь.

Они уже вернулись на свою улицу, до дома оставались какие-то метры. «Я не могу идти», — мама дышала совсем не так, как минуту назад: тяжело, прерывисто. «Мы же почти дома! — он не верил своим глазам. — Что с тобой?» «Не знаю. Воздуха нет». Он чувствовал, как что-то громоздкое, неподъёмное становится между ними — и пытался воспротивиться, не поддаваться. «Обопрись на меня. Вот так. Теперь пойдём». Они еле двигались, каждый шаг давался мучительно. «Ну как, легче?» — он проклинал себя за легкомыслие. Мама молчала. Кое-как доползли до лифта, поднялись в квартиру. «Что случилось? — спросила жена. — Вас почти два часа не было. Ты что, пошёл на круг?» «Потом, — обескураженно отвечал он, — видишь, маме нехорошо».

«Ты врачом заделался? — не унималась жена. — Нам же ясно объяснили: никаких кругов». «Хватит, самому тошно, — он старался не смотреть жене в глаза, — помоги лучше».

Мама лежала в кровати — и дышала легче: «Не знаю, что со мной было. Проходит вроде». «Отдыхай, мамочка», — он был готов сгореть со стыда: мама извинялась перед ним за то, что случилось. «Хорошо, — она попробовала улыбнуться, — вот уж погуляли так погуляли».

«Да, — мамина несмелая улыбка растолкала его застывшие мысли, — врагам бы такие прогулки».

Сентябрь 2016

ПАРК

Парк, обыкновенный, ничем не примечательный, один из десятков в приморском городе, был в двухстах метрах от твоей больницы. Я поздно узнал о нём — и в тот июньский вечер мы были здесь лишь третий раз.

Парк был полон детей, они гомонили, веселились, игрались. А несколько грудничков внимательно, солидно наблюдали за происходящим из своих колясок. Мне казалось, что ты дышишь чуть свободней, чем обычно, и мы сможем погулять несколько лишних минут. А ты... Ты была довольна, улыбалась моей любимой улыбкой, позволяющей забыть и о старости, и о болезни, и о страшной близости расставания. Мы были вместе — и я наивно, близоруко, слепо верил, что мы неразделимы. Как раньше. Как всегда. С момента моего рождения.

Доехали до конца парка, повернули назад. Перед выездом пробормотал: «Было хорошо, правда?» — и ты согласно кивнула. «Придём ещё?» — «Конечно».

Я шёл домой в прекрасном настроении, будто жизнь улыбнулась мне. Болван: ухмылялась совсем другая женщина.

Август 2016

ПРАВНУК

Я хотел этого больше всего на свете: чтобы ты увидела его. День, когда узнал о нём, обжёг, пронзил ярким светом.

Почти вприпрыжку бежал в больницу. Как ненормальный, стучал по каждому дереву, вновь и вновь проговаривая про себя новость, услышанную от дочери.

Ты не сразу поняла, о чём речь. «У тебя будет правнук, первый правнук!» — минуту назад верилось, что эти слова перевернут мир. Какое там... Мой мир перевернулся, а в твоём мало что изменилось.

«Как же так? — недоумевал я. — Через несколько месяцев он появится здесь, рядом с нами. Сын любимой внучки, которую ты когда-то каждый день водила на море — и мы встречали вас в конце пути, большую и маленькую. Да, прошло четверть века, но этот малыш вдохнёт в тебя жизнь, новую жизнь... Разве может быть иначе?» Слова рвались наружу, но, глядя на тебя, я не давал им выхода. «Мамочка, разве ты не рада?»

«Почему? Рада».

Радоваться не было сил. Ты не хотела меня разочаровывать, но не могла и обманывать. И, чтобы не отвечать, закрыла глаза.

Я подумал, что ты устала — и больше не возвращался к разговору. Даже успокоился: до августа, когда малыш родится, куча времени. Нужно надеяться на лучшее.

Так-то так, но августу всегда предшествует июнь. Где я это вычитал? Точно: «Проклятые короли», развлекательный роман, четырнадцатый век. Жизнь и смерть, идущие рука об руку, а иногда — случайно, мимоходом — меняющиеся местами.

Интересно: наше время хоть чем-то отличается? Вряд ли.

Август 2016

ПРАЗДНИК

«Мать — короткий праздник на земле», — сказал Фазиль Искандер. Благодарю небеса, что твой праздник длился до седых волос — и лишь сейчас, на седьмом десятке, ты постигаешь науку сиротства.

Праздник кончился. Начались будни.

Август 2016

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Ад, обыкновенный земной ад, накрыл ранним летним утром, когда сидел у дверей больничной палаты. Весёлые, довольные собой чертенята поджаривали меня на сковородке бессилия, никчёмности, трусости. Как последний тупица, я не отдавал себе отчёт, что происходит, и вместо того, чтобы стонать, выть от боли, тихонько сидел на стуле, пока рядом, за дверью кто-то деловито завершал свою работу. Меня — болвана в старинном польском преферансе — позвали потом, когда всё закончилось, а маму забрали туда, куда никому из нас, обитателей земной ночлежки, нет доступа.

Нет — или всё же есть? Как Вергилий, ты вела меня за собой, я видел рядом родное лицо — и ни за что не желал, не мог поверить, что это бред. Крепко обнял тебя — и ощутил холод, который пронял до косточек, вобрал в себя, потянул за собой. Нас несло в огромную, чёрную, булькающую воронку, и когда у самого края, зацепившись за случайный проблеск сознания, я разжал руки, меня, как пробку, вышибло наружу.

Я опять сидел в больничном коридоре, а за дверью слышался всхлип, крик, вопль, вмещающий всё вокруг. Кричал младенец, пришедший в наш мир. Кричал я, его дед. Кричала мама, так и не ставшая прабабушкой. Кричала жизнь. Кричала её двойняшка — смерть.

Август 2016

НИКУР¹

Этот январский день то всплывал в памяти, то проваливался в неё. Иногда с точностью до минут, иногда перемешивая утренние и вечерние часы в мутное, безвкусное варево.

Мама была в больнице третью неделю, вода в лёгких лишь прибывала, а откачать её врачи опасались. Сын просил, умолял, требовал — и натыкался на непробиваемую стену: прокол опасен. Никто не может гарантировать, что мама просидит, не шевелясь, всё время процедуры.

Но в это утро состояние ухудшилось настолько, что профессор, зав. отделением, пообещал помочь. А вскоре лечащий врач, которая ещё позавчера и слышать ни о чём подобном не желала, подтвердила, что никур будет после обеда.

Тут же начал готовить маму: «Это же проще простого: спокойно сидишь на кровати. Десять минут, от силы — пятнадцать. Зато потом будет легче дышать, обещаю». Мама согласно кивала. Он повторил «инструкцию» трижды. На всякий случай.

Обед давно прошёл, день черепашьими шажками приближался к вечеру. Подрёмывал, когда в палату вбежала сестра: «У вас никур. Готовьтесь». Следом зашли врачи. Он помог маме устроиться поудобней. Заместитель профессора, молодой, спокойный, излучающий уверенность, прослушал лёгкие и наметил место для иглы. Сделали прокол — и жидкость потекла в пластиковую колбу. Мама сидела так, как нужно, крепко сжи-

---

¹ Здесь: откачивание жидкости (*уврит*).

мая сыновью руку. Первая колба наполнилась, начали наполнять вторую. Вдруг мама кашлянула, потом ещё, ещё. Иглу вытащили. «Сколько успели?» — спросил сын. «Почти всё», — его наградили тёплой улыбкой.

Мама заснула. Он и помыслить не мог, что истекают последние миги беспримесного, чистого счастья. Что грубая, но незлая хозяйка всего земного швырнула ему, как надоедливой собачонке, сладкую косточку. И смешная, легковёрная псина, получив подарок, радостно виляет хвостом.

Январь 2017

ЖЕМЧУЖИНА

Пнина — жемчужина на иврите. Так назвал тещу отец, раввин. Янкель Довман был одним из служителей культа, расстрелянных в тридцать восьмом. В память о нём теща никогда не меняла документы, хотя в быту, конечно, звалась Полиной.

Она была застрельщицей отъезда, энергично подталкивала нас с женой. Иногда мысленно я даже ставил её в пример маме, которая, на пару со мной, относилась к будущей репатриации без малейшего энтузиазма. Примерно, как к операции по удалению больного зуба.

В Израиле ситуация изменилась за считанные дни. Ещё не были распакованы чемоданы, а теща уже вынесла приговор: «Это не наша страна». Напрасно мы пытались её разубедить, напомнить, что первому впечатлению нельзя верить: она оказалась советской патриоткой, из тех, кому разлука с родиной противопоказана. Несмотря на отца. Несмотря ни на что.

Жизнь покатила под откос. Теща рвалась назад, будто забыла там что-то или кого-то. Наверное, себя: добрую, мудрую, сильную.

Всё закончилось через полтора года на кладбище в самом центре страны, которую она так и не приняла. Переезд убил её. Болезнь послужила лишь внешним, пристойным оформлением.

Мама прожила ещё четверть века. Для неё на первом месте всегда стояла семья. Остальное было вторичным, даже страна проживания. Родина.

Сейчас они лежат рядом: Галина и Полина, Голда и Пнина. Дочь меламеда — и дочь раввина.

Сентябрь 2016

ДВУЛИКИЙ ЯНУС

Это стало непереносимым. Каждый шаг, каждый миг был отравлен мыслями, бегущими по замкнутому кругу. Всюду виделась мама. Она жила здесь, дышала, думала, любила, помнила. Старела, слабела, забывала, теряла саму себя.

Квартира, лестница, дом, улица — всё враз стало бессмысленным, нелепым, ненужным. Человеческий стержень, на который столько лет нанизывались разные детали существования, истончился, сломался. Жизнь рассыпалась на мелкие кусочки воспоминаний, стала сплошным прошлым, мертвящим настоящее. Неподъёмным монолитом. Могильной плитой.

«Стоп, — прошептал он себе. — Мама живёт по-прежнему. В моей груди стучит мамино сердце, моё дыхание наполняет мамины лёгкие, моя любовь греет мамину душу. Так мы сможем проститься. Только так».

Порочный круг раскрылся, распахнулся. Счастье, настоящее на горе, окатило густым, тяжёлым, муторным запахом. Он дышал, не отрываясь. От каждого вдоха зависела жизнь.

Октябрь 2016

**ВСПЫШКИ:
ФАНТАЗИИ О ВРЕМЕНИ
(2012)**

БЛОК: 1921. ПРИГОВОР

«Александр, отдохните пока, а я пойду в зал. Ещё есть несколько минут», — Чуковский будто стеснялся своего молодого румянца, отменного здоровья: они ведь почти ровесники. Всего год назад и сам поэт выглядел иначе. Происходило что-то странное, необъяснимое: каждый день, глядя в зеркало, он находил новые признаки старения. Откуда? Дед Бекетов дожил до старости, да и мать с тёткой живы. Даже отец был намного старше. Он рассчитывал, что поездка, на которой так настаивал Корней, развлечёт, напомнит прошлогодний триумф. Пока надежды не очень-то оправдывались. Ежевечерне Блок честно пытался увлечь слушателей. Но в «Плясках смерти», толкуя о мертвце, который только притворяется живым, никак не мог отделаться от мысли, что мертвяк — он сам, сорокалетний русский поэт, примостившийся сейчас в пяти метрах от сцены, пытаюсь настроиться на очередную читку. Чтобы люди, ждущие в зале, думали, что и Блок рад встрече с ними.

«Начинаем», — Корней вдруг оказался рядом. Раньше его лёгкость, стремительность не раздражали. Поэт пошёл к сцене, где Чуковский уже произносил свой спич. Одно и то же каждый раз! Что ни говори, поэту журналиста не понять: разные миры. Хотя Корней сам пишет — и вроде неплохо. Неожиданно Блоку вспомнился другой вечер, когда он слушал молодых поэтов, и его поразил Мандельштам. Настолько, что даже перестала мешать характерная физиономия. Блок не любил евреев, но этот «жидочек» был настоящий артист. Кто

бы мог подумать, что записные юдофилы вроде Бунина и Сологуба брезгливо отвернутся от новой власти, а он будет с большевиками сотрудничать. Хотя не видит в засилье бронштейнов и апфельбаумов ничего хорошего. Уж они нахозяйничают...

«Я приглашаю на сцену первого поэта России Александра Александровича Блока», — последнюю фразу Чуковский почти пропел. И шагнул за кулисы.

Небольшой зал был заполнен примерно наполовину. А в прошлом году люди стояли во всех проходах. Как будто заряжая его своей любовью...

Поэт читал ровно и спокойно, безо всяких актёрских эффектов. Голос звучал уверенно, стихи как будто вели за собой. Куда? К сегодняшней опустошённости? Неужели и «Заклятие огнём и мраком», и «Куликово поле», и «Соловьинный сад» были только предчувствием «Двенадцати»? Он был в возрасте Пушкина, когда написал свою последнюю поэму. И тогда же внёс в дневник кощунственную фразу, за которую расплачивается по сей день. Ведь будоражащая музыка, распившая его, обернулась немотой...

«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» — захотелось закончить этим стихотворением. Наверное, потому, что уберечь свой рай не сумел, и безумные рабы всё растоптали. С молчаливого согласия хозяина.

Блок поклонился и ушёл со сцены. Слабость, разбитость, вроде отступившие во время чтения, нахлынули с новой силой. Корней заботливо подставил стул. Аплодисменты продолжались. «Да хватит вам, — до них донёсся чей-то въедливый голос. — Кому вы хлопаете? Где в этих стихах динамика? Жизнь? Это же стихи мёртвого человека».

— Кто это? ваш враг? — Чуковский хотел вернуться в зал.

— Успокойтесь, — Блок улыбался. Чему? — Струве не то чтобы враг — слишком громкое слово. Так — недоброжелатель. И он прав: я чувствую то же самое. Пойдёмте, я устал.

Струве кто-то возражал, шум в зале продолжался, но они уже выходили из здания. Чуковский суетился в поисках извозчика. Блок смотрел куда-то в сторону. Он почти не расстроился. Приговор, которого поэт так боялся, был произнесён. Теперь нужно с этим жить. Судя по всему, недолго...

2012

МАНДЕЛЬШТАМ: 1937. ГАЗЕТА

Он открыл дверь и вышел за порог: не хватало воздуха, закрытое пространство комнаты вдруг показалось сжатым до точки. Неужели сбывается собственное стихотворение?

— Ося, что вы надумали? — слышался голос тёщи. — Сколько холода напустили... А ветер? Меня же вытянет наружу.

— Хорошо, хорошо, уже захожу, — Осип вернулся в комнату. — Целы пока?

— Вроде бы. Даже окоченеть не успела, — Вера Яковлевна засмеялась.

— Замечательно. Так и скажу Наде: твоя мама самая морозоустойчивая еврейка на свете.

— Представьте себе. И самая терпеливая. Терплю ваши фокусы и не жалуюсь.

Вместо ответа Мандельштам начал аплодировать. Это означало, что разговорная пауза закончилась.

Он вернулся к столу. Сам процесс «писания», выжимания из себя строчек был отвратителен. Поэт привычно пытался услышать колебания воздуха, шум, предшествующий словам. Бесплезно. Звуки возникали только внутри, стучали друг о друга, как горошины. «Ты же не первый, — подстёгивал он себя. — Даже Пастернак отметил: “Поступок ростом в шар земной”... Чем не стихи?» Ну почему, стоило лишь приблизиться к этой заколдованной теме, тут же несло в сторону? «Какая гора? Какие бугры голов? Что это? Откуда? — Осип смотрел на только что написанные строки, как на чужие, кем-то подсунутые. — Издевательство... Асеев за день написал бы

образцовый стишок... Вот кто мастер... А тут мучайся вторую неделю». Мешало и отсутствие жены. Когда Надя выходила из дома, он сразу ощущал нехватку воздуха. Родного, прокуренного воздуха. Конечно, поездка была необходима, а приехавшая на замену тёща честно выполняла роль сиделки. И всё-таки... Жена должна была мелькать где-то рядом. В ореоле табачного дыма, который Надя иногда — в шутку — выпускала ему прямо в лицо. Тёща возмущалась, что дочь курит без перерыва, прикуривая одну папиросу от другой. Ерунда... Не хватало ещё в этом себе отказывать. На себя бы посмотрела. Крошечная старушонка с дымящейся присоской во рту. А у Нади каждая папироса яркая, взрывная, рвущая время на сочные затяжки. Как при их первой встрече, когда ей было девятнадцать...

Мандельштам всматривался в исчерпанный лист бумаги. «Пальцы просятся к перу...» Да уж, просятся... Как арестант на допрос.

Строфа, наконец, была дописана. Бог ты мой, какая мура! Глаза могучие, речи упрямые, слух зоркий. Ещё и сурдинка приплелась. Но последняя строка хороша. Эти хмурые морщинки играют и бегут, как живые. Казалось, он перешёл какую-то невидимую границу. «Дойдя до середины земного пути», — писал его любимый итальянец. Какой там земной путь! У них с Шурой материнское сердце, а мама не дожила до пятидесяти. Стало быть, и ему осталось три-четыре года. Негусто... А вот середину своего «Послания к Пиндару» (или к цензору?), вроде бы, перевалил. Дальше будет легче, стих начнёт дописывать себя сам.

Можно было отвлечься, к тому же он успел проголодаться.

— Вера Яковлевна, что у нас на обед?

— А что вы приготовили, Осенька? — тёща явно обрадовалась, что о ней вспомнили.

— Вот, — Мандельштам потряс исчёрканным листом бумаги.

— Другое дело. Мойте руки. Сейчас подам.

Они сидели рядом за письменным столом, который превратился в обеденный. Были те редкие минуты, когда подмена Осипа устраивала: мать была домовита, в отличие от дочери.

— Доволен? — Вера Яковлевна даже позволила себе перейти на «ты».

— Конечно. Я что — напрасно женился? Чтобы любимая тёща меня подкармливала. Газеты приносили?

— А как же? Почтальонша так в дверь тарабанила, что только вы могли не услышать.

— Давайте сюда.

Он раскрыл газетный лист и заскользил глазами по строчкам. Успехи, призывы, подготовка к очередному процессу. Внезапно взгляд уткнулся в фамилию, которую боялся встретить все последние дни. Осип реально увидел перед собой улыбчивого, рыжебородого человека, с которым общался (или всё-таки дружил?) долгие годы. Бухарин был умён и культурен, оригинально мыслил, никогда не говорил пошлостей. Любил и понимал стихи. Едва ли не единственный из нынешних вождей. Нет, единственный. Статья была наглая, визгливая, вонючая. После неё мог следовать только арест...

— Что вы мне подсунули? — захотелось толкнуть время назад, спрятаться в спасительное неведение.

— Как что? Ося, вы же сами просили свежую газету. Я их, как вам известно, не заполняю. В наше время журналисты постыдились бы такое писать.

— Да, Верочка Яковлевна, извините.

- Плохие новости?
- Отвратительные.
- Так не ругайтесь. Чтоб хуже не было.

Она не шутила. В свои семьдесят с хвостиком Вера Хази-на ясно представляла, в каком болоте оказались она и её дети. Большевики не нравились киевской докторше с первого дня. «Уж лучше бы кадеты. Или Бунд» — говорила она зятю, которого нахрапистость и прожектёрство новых властителей поначалу увлекли. Ненадолго. Конечно, старушечье вольнодумство не выходило за пределы квартиры. Но, знай она, что Осип кропает сейчас, выразительно промолчала бы. И потянулась за очередной папиросой.

Осип стоял возле стола, который тёща уже освободила от остатков пищи и посуды, но садиться не спешил. Воздух изменился. Он был по-прежнему пуст, но, казалось, звуки вот-вот вернуться. Стоит пересилить, перемучить себя — и придут совсем другие стихи. Которые ютятся где-то здесь, поблизости.

Смущало другое. Он ведь славословил Сталина не «ради искусства» — и вполне отдавал себе отчёт. Раз он уцелел после «горца», нужно попытаться сдёрнуть с шеи удавку, выкупить если не прощение, то хотя бы новую отсрочку. Даже за три года работы — а больше ему не протянуть — цена приемлемая. Пока. Вопрос, чего ещё захотят в доказательство лояльности. Оправдывать казни, к примеру. Отрекаться от тех, кому веришь. От того же Бухарина. Ведь наверняка потребуют, если панегирик сработает. «Не расстреливал несчастных по темницам, — в голове вновь прорезалась любимая строка нелюбимого поэта. Несчастных по темницам. Несчастных. По. Темницам.

2012

МАНДЕЛЬШТАМ: 1937. ПИСЬМО

Мандельштам положил ручку на стол. Адрес написан, письмо можно отправлять. Ещё раз пробежал глазами по строкам. Откуда эта исповедальная интонация? Ведь не завещание, даже не послание другу: они с Тыняновым никогда не были близкими людьми. И вот оказалось, что, кроме этого мудрого, грустного, обречённого на медленное умирание еврея, обратиться больше не к кому.

В дверь постучали. Наташа. Ясная наша. За последние месяцы они так привыкли к воронежской учительнице, что считали её родственницей.

Наташа внесла с собой снег и молодость, которой была пропитана вся её фигура: от влажных ботишков до густых, светлых волос.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте, — Осип при виде гостя сразу оживился. — Совсем нас забыли. Целых два дня не показывались.

— Осип Эмильевич, если бы мне на работе отпуск дали, то от вас бы не выходила. В самом деле, я же словесность преподаю. А словесность — это вы.

— Здравствуйте, барышня, — раздался голос тёщи. — Как славно, что зашли. Мой-то совсем закис без женского внимания.

— Здравствуйте, Вера Яковлевна, — Наташа Штемпель смутилась. — Как без внимания? А вы?

— Бог с вами! Я же всё делаю не так: дышу, хожу, говорю. Даже курю не так, — Вера Яковлевна была почти серьёзна. —

Вы — другое дело. Разве может пан Мандельштам, варшавский джентльмен, пройти мимо такой хорошенькой дворянки? Он вам и стихи посвятит... Если уже не посвятил.

— А что вы думаете? — поэт сделал вид, что обиделся. — Вот возьму и посвящу. Прямо сейчас.

— Да, какую-нибудь ерунду, как бедному Маргулису. Ладно, пойду в свой уголок,— Вера Яковлевна достала папиросу. — Кстати, Ося, вы сегодня на удивление деликатны. И заслуживаете отдых от моей болтовни.

— Наташенька, что вам почитать? — на Мандельштама накатило полузабытое волнение. Как будто он вернулся к своим первым вечерам. Ещё при жизни Блока...

— Всё, что вы написали, пока меня не было. Всё-всё.

Он начал с «Пиндара». Прочитал обе строфы, которые выползли сегодня. Когда впервые почувствовал приближение последней фразы. Нужен ещё один урожайный день. От силы — два.

— Наташа, вы молчите... Как мой «Пиндар»?

— Осип Эмильевич, а почему Надя зовёт его «одой»?

— Какая разница? Зовёт и зовёт... Не Джугашвили же называть.

— Не знаю, Осип Эмильевич. Я боюсь этих стихов.

— Что вы, Наташенька... Это же не «горец». Наоборот...

— Всё равно: вы читаете, а мне страшно. За вас. Есть что-то ещё?

Поэт прочитал два стихотворения: первое было совсем отделано, а второе возникло сегодня. Потом, после мимолётного сомненья, ещё одно, совсем короткое. Вчерашнее. По мере чтения Наташино лицо светлело и успокаивалось.

— Боже мой, как хорошо! У меня в горле пересохло.

— Хотите пить?

— Нет, это от радости. Что могу слушать вас каждый день. Мандельштам вдруг засуетился, будто вспомнил о чём-то неотложном, важном.

— Наташенька, я письмо написал. И адрес есть на конверте. Возьмите. Вам же по дороге.

— Оно не заклеено.

— А вы почитайте. Там секретов нет. Можете и себе переписать. Если захотите...

Наташа шла по обледенелой улице, прихрамывая сильнее обычного. В голове повторялись только что прочитанные фразы: «не считайте меня тенью... наплываю на русскую поэзию... стихи мои сольются с ней... не отвечать мне легко». Она вынула листок из конверта. Нельзя, невозможно вот так расстаться с ним. А вдруг письмо затеряется? Пропадёт? Девушка достала из сумки тетрадку и карандаш. Обжигая на морозе пальцы, сделала копию. Перечитала, чтобы увериться, что ничего не пропущено. Только после этого, заклеив конверт, поспешила к почтовому ящику.

2012

ЦВЕТАЕВА: 1939. ОТЪЕЗД

Марина Ивановна вышла из полпредства и пошла домой, к сыну. Новостей не было, отъезд вновь откладывался. Она уже не знала, огорчаться или радоваться. Точь-в-точь старая крыса, одурманенная флейтой крысолова. Настолько, что думать о собственном будущем совсем не хочется.

Сотрудник был вежлив — и равнодушен. Видимо, она недостаточно убедительна. Видимо, к мужу и дочери просятся не так. Цветаева понимала это, но ничего не могла с собой поделать.

Она без конца уговаривала, заклинала себя, вбивала в голову, что её место там, на родине, где уже живут Аля и Серёжа, где у них снова будет семья. Что они с Муром никому не нужны в этой чужой, самодовольной Франции. Особенно сейчас, после Серёжиного бегства, когда желающих общаться с ней совсем не осталось. Разве что Ходасевич, да и тот умирает в больнице. Жалко, конечно. Очень.

Уговаривать уговаривала, но сама себе не верила. С жадностью читала, что пишут об СССР русские газеты: это она-то, на дух их не выносящая! И понимала с отчаянием и обречённостью, что всё написанное там — немыслимая, неправдоподобная правда. А бодрые письма Али, которые ей передавали в миссии — чушь. Мелодийка для глупой, беспомощной крысы.

— Марина, почему так долго? — Муру было скучно: после того, как мать отменила школу, приходилось целыми днями торчать дома. — Что вы узнали? Мы едем или нет?

— Не знаю, Мурёныш. Говорят, ждите.

— А вы рады стараться. Будь ваша воля, мы бы остались. А я хочу к папе и Але. Если вам всё равно, то мне нет.

— Что ты, сыночек... Думаешь, я по ним не скучаю?

— Думаю, нет. Вам никто не нужен. Только письменный стол.

— Только стол? Ты уверен?

Странно, Сергей уже полтора года в Москве, а Мур до сих пор говорит его языком. Те же костяные фразы. *Сыночка*, куда же мы тащимся? Ладно, тебе четырнадцать, а мне? Хороша малолетка...

Она прошла по комнате, посмотрела на упакованные вещи. И сколько им так жить? Чтобы выйти из дома, приходится разбирать какие-то узелки, а после возвращения складывать назад. Не оставаться же взаперти...

— Мур, давай прогуляемся: хороший вечер. Кто знает, сколько мы ещё здесь пробудем?

— Чего? Месяцев или недель?

— Нет. Дней или часов.

— Ну, вы даёте, Марина! Откуда такой оптимизм?

Мать с сыном долго бродили по июньским улицам. «Этот город так и не стал ближе, — Цветаева поймала себя на мысли, что сожалеет. — Нужно ли было кичиться своей «русскостью»? В этой гордости есть что-то сатанинское. Если бы я раньше поняла...» Она посмотрела на сына. Полное лицо было довольно и спокойно. Мальчик любил Париж: дворцы и мансарды, музеи, аллеи, улицы, парки. Воздух. Это ведь его город. Вопрос, как встретит их её Москва.

Когда они вернулись, было уже поздно. Зайдя в дом, Марина почувствовала странное беспокойство.

— Что с вами? Спите на ходу? — Мур смотрел на неё, ничего не понимая.

Вместо ответа она приоткрыла дверь и подняла с пола письмо. Как оно попало сюда? Никаких, совсем никаких звуков не было слышно. Послание было коротким. Им сообщали, что отъезд назначен на завтрашнее утро, и просили никуда не отлучаться. Мелодия была доиграна: крысоловка захлопнулась.

2012

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ВОКЗАЛ

Маленькая повесть

Далеко зашёл ты,
Паровик усталый!
Доски бледно-жёлты,
Серебристо-жёлты,
И налип на шпалы
Иней мёртво-талый.
Уж туда ль зашёл ты,
Паровик усталый?

1906

Прошение

В своих апартаментах министр просвещения Шварц, благообразный седой старик, принимал попечителя петербургского округа Мусина-Пушкина. Попечитель, весьма самоуверенный пожилой господин, держался с хозяином кабинета почти на равных.

— Александр Николаевич, если бы вы знали, до чего с ним тяжело! По любому пустяку имеет особое мнение. Конечно, он и Еврипида переводит, и книги о литературе издаёт, и оригинальные стихи пишет. Будто мы лаптем щи хлебаем... И каков фон-барон: ему частичную отставку подавай, хочет ещё лекции читать и в Учёном комитете красоваться! Нет уж, отставка так отставка, без разных финтифлюшек...

— Да вы не волнуйтесь так, Александр Алексеевич! Я с вами вполне согласен. У Анненского с сердчишком проблемы, так что мы о нём же заботимся. *Vona fide!*¹ Потрудитесь подготовить приказ. А я распоряжусь.

— Благодарствую, Ваше превосходительство. Завтра изволите принять?

— Уже с приказом?

— Разумеется.

— Отлично, граф. Жду.

Ученик

Промозглым ноябрьским утром в небольшом особняке, каковых немало на тихих улицах Царского Села, беседовали двое: импозантный, дружелюбный хозяин с бледным, чуть отёчным лицом и гость — совсем молодой, почти юноша. Лицо второго, маловыразительное, с неправильными, мягкими линиями, обладало странной особенностью: посреди разговора оно неожиданно «собиралось», расплывчатые черты приобретали строгость и красоту.

— Ну что вы, Коля, разве можно так переживать из-за того, что ваши стихи кому-то не нравятся? Вспомните, как эта самая Гиппиус отнеслась к вам в Париже... Вы же прекрасно понимаете: поэтом нельзя сделаться, эта болячка сидит в нас от рождения. Пишите и пишите: то, что внутри, обязательно выплеснется.

— Иннокентий Фёдорович, может, я просто неудачник? Даже аттестат позже всех получил, другие уже университеты заканчивают. А за что Зинаида Николаевна на меня взъелась, просто не постигаю. В Париже в три шеи вытолкала. Да и сейчас... Будто у неё есть право решать, кто для чего предназначен.

---

¹ Вполне искренне (*лат.*).

— Вот именно. Поймите, мальчик мой, это свойство недалёких, поверхностных натур: целиком доверяться первому впечатлению, с лёгкостью ставить на человеке крест. А homo cogitans¹ сомневается в себе постоянно. В своих мыслях, оценках, чувствах... Гиппиус и как поэтесса весьма ограничена. Жаль, что среди пишущей братии до сих пор не было ни одной великой женщины.

Анненский внезапно замолчал. Медленно встал, сделал несколько неглубоких вдохов, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом так же резко вернулся к собеседнику.

— Простите великодушно. Вот я сейчас вас успокаиваю, а сам? Думаете, легко сознавать, что жизнь почти прожита, а стихи никому не нужны, переводы где-то лежат-пылятся. Об остальном и говорить нечего: смотрят, как на клоуна. Что это господин бывший директор статьи о литературе кропает на старости лет?

— Иннокентий Фёдорович, — Гумилёв будто отбросил привычное косноязычие, заговорил твёрдо и чётко, — ваши стихи мне необычайно дороги. Тот, кто судит о вас свысока, мало что смыслит в поэзии. Ничего не смыслит.

— Вот видите, Николая, для меня вы сразу нашли слова утешения. А для самого себя, что, кишка тонка? — Анненский широко улыбнулся, сразу став гораздо моложе. — Поверьте, время всё расставит по своим местам. Дождаться бы только этого времени...

Жена

Анненскому нездоровилось. Последний месяц сердце беспокоило как-то по-иному: неожиданнее, острее. Приходилось ложиться в постель и ждать, пока боль отпустит. Он не

---

¹ Человек мыслящий (лат.)

терпел этого вынужденного, нелепого безделья. Ему всегда казалось, что с собственным сердцем можно договориться, убажить его, что ли. Долгие годы почти так и происходило. Когда перевалило за пятьдесят, он даже стал немножко вольнее себя вести. Иногда позволял себе переживания, которых старательно избегал в молодости. Вот и сейчас, наверное, переусердствовал.

— Болит, Кенечка? Может быть, ещё капель? Или доктора?

— Незачем, Дина. Полежу немного, сейчас пройдёт. Кажется, уже легче.

Жена действительно беспокоилась о нём. И очень хотела показать, что может быть полезна.

Когда они познакомились, он, двадцатидвухлетний студент, влюбился без памяти. Дине было тридцать шесть, бедняжка овдовела, когда сама была ненамного старше своего юного ухажёра. Она была красива. Очень. Нежная женщина, в одночасье лишившаяся любимого мужа и сама вырастившая прекрасных сыновей, с которыми он сразу подружился (благо, разница в возрасте была невелика, куда меньше, чем с их мамой), просто околдовала его. Он чуть ли не с первой встречи мечтал о женитьбе. И вскоре сделал предложение.

К счастью, она согласилась. Хотя Иннокентий вызывал немалые опасения. Молодостью, горячностью, детской восторженностью. Дина не хотела выходить замуж за полуробёнка. Свадьбу отложили на два года: жених полагал, что напрасно. Они обвенчались, едва Анненский получил диплом. И он сразу сумел поставить себя. Пасынки были немало удивлены, когда отчим начал активно участвовать в их жизни. Как старший брат. И муж матери. А тут и Валечка подрос, и не было оснований сетовать на судьбу: от него, двадцатипятилетнего, зависело благополучие большой семьи — и он этим не на шут-

ку гордился. А домашние гордились им, его спокойствием, хладнокровием, деловитостью. Может быть, этот скорый брак приостановил развитие его болезни? Кто знает?

Надежда Валентиновна с тревогой смотрела на мужа. Как он мучается! Она сегодня надела нарядное, любимое им платье. Но что делать с этим проклятым возрастом? Хоть зеркала убирай...

Иннокентий Фёдорович попробовал улыбнуться. Когда-то платье сводило его с ума. Вернуться бы к себе, тогдашнему. Невозможно. Ну вот, опять прихватило. Надо постараться ни о чём не думать. Хоть несколько минут...

Невестка

Они медленно шли по аллее парка. Было ветрено и сыро.

— Кеня, почитайте ещё, — попросила Ольга. — Моё любимое: «Паровик усталый». И «Это — подлог». И «Петербург». И «Шарманку», конечно...

— Олечка, вы меня балуете. — Иннокентий почти забыл о привычной тяжести в груди, чувствовал себя свежим и бодрым. — А куда мы пойдём? Как бы дождь не зарядил.

— С вами — хоть в подземелье, — засмеялась женщина. — Можно и поближе. Вон беседка.

Анненский читал стихи с наслаждением — и с ещё большим наслаждением смотрел на любимое лицо. Она действительно пошла бы за ним на край света, он это видел, чувствовал. Но обидеть Платошу! Не пасынка — брата. Когда-то он встал между мальчиком и его матерью. А сейчас — отнять ещё и жену? Нет, это не для него. Приходится любить молча, бесполо, платонически. И ведь Платон (нелепый каламбур) совсем не ревнует. Хотя о чувствах жены знает. Не может не знать.

Ольга слушала нервные, бьющие током строки. Ей казалось, что стихи текут отовсюду: от мрачноватых, серых кустов, голых деревьев, вязкого, мутного царскосельского неба. Вдруг стало тяжело дышать: спазмой стиснуло горло...

— Олечка, вы плачете... — Иннокентий Фёдорович целовал руки женщины. — Пойдемте в дом. Дети уже, наверное, беспокоятся: куда противный дед увёл маму? Посмотрите на эти ветки. Видите, они вначале расходятся, а потом соединяются. Как мы с вами...

«Соединяются, — вытирая платочком глаза, подумала Ольга Петровна. — Но не на земле».

Сын

— Ну-с, Валентин Иннокентьевич, каковы наши успехи? — Анненский сам не знал, почему у него поднялось настроение. Радоваться было решительно нечему: самочувствие отвратительное, стихи печатать не хотят, отставка, похоже, будет полная, так что о чтении лекций придётся забыть. Да и новая книга, рукопись которой Валя сейчас держит в руках, может пройти незамеченной. Запросто.

— Папа, я сейчас же начну, — сын был не на шутку увлечён предстоящими хлопотами. — Ты знаешь, тянуть не буду. Постараюсь всё подготовить за два дня. А может, и в один уложусь.

— Ну, Валечка, прямо за один день. Ларец-то немаленький, да и заполнен порядочно. Всё вычитать, да исправить, да переписать, если нужно. Не спеши, пожара нет. Я эти парутройку дней подожду. Дольше ждал. Кстати, никакого псевдонима не будет. Хватит.

— Папочка, для меня переписывать твои стихи — не труд, а счастье. Мы с Олей вчера об этом говорили. Помнишь: «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь»? Это же о тебе.

— Валюша, Пушкин это о себе писал. Ты забыл, кто твой отец? Престарелый дебютант, которого, если и хвалят, то сквозь зубы. А чаще игнорируют. Мои новые стихи Маковский выкинул из номера. Ладно, давай о весёлом. У тебя все белые есть, так ведь? Пройди рукопись не спеша. Если что не так, исправляй. И меня зови. Хотя завтра я целый день в Петербурге. Вернусь только вечером.

— Папа, я почти всё наизусть помню. Ты не волнуйся только. А если что, Оля мне поможет: ты же ей всю книгу прочитал. А память у неё замечательная...

— Не так уж много я прочитал, — Иннокентий Фёдорович почувствовал, что краснеет. Сын, видимо, не понимал, какие чувства связывают отца и невестку. Или делал вид. Хорошо хоть, Платон не говорит с ним о жене, когда они бывают наедине. Их отношения стерильно чисты, а он считает себя грешником. Наверное, потому, что в мыслях грешит много лет. Они с Олечкой грешат вместе. — Так что Олю лучше не трогай. Ей и так забот хватает. С детьми... Пожалуйста, Валя. Запятые, отступы, курсив — постарайся ничего не пропустить. Проверь каждую пьесу, каждую строку. Для меня это очень серьёзно, ты знаешь. Второго провала я, наверное, не переживу.

— Папа, не будет никакого провала. Ты знаешь, что мне сказала Оля? Когда она тебя слушает, то радуется каждому слову. И огорчается, что стихи такие короткие.

— Да уж, — Анненскому захотелось сию же секунду увидеть невестку. Желание переполняло его. Идти, бежать, ехать куда угодно, только бы коснуться взглядом Олиного лица. Что за необъяснимая блажь, глупость? Как раз сегодня сердце чуть успокоилось, было вроде бы легче, чем в предыдущие дни. — Ты можешь считать меня старым занудой, но я по-прежнему не верю, что на книгу обратят внимание. Завтра покажешь мне, что получилось. Спокойной ночи, сын!

— Отдыхай, папочка. А я немножко пообщаюсь с другим Иннокентием Анненским... Поэтом.

— Валька, ты же не Макс Волошин, который думал, что есть несколько Иннокентиев Анненских. Я тот же. И в стихах, и в прозе, и в жизни. Неужели непонятно?

Поезд

День обещал быть хлопотным и тяжёлым. И сердце дало о себе знать сразу после завтрака. Пришлось прилечь. Анненский вышел из дома чуть позже обычного, но на поезд успел.

Иннокентий Фёдорович сидел у окна. За окном мелькали привычные, многожды виденные картины. И мысли крутились привычные, под стать пейзажу. Почему принято считать, что поэт должен быть молодым? Жаль, что Пушкин прожил только полжизни. А Лермонтов был совсем мальчиком, моложе его Вальки. «Горные вершины спят во тьме ночной...» Где в этих гладеньких, напевных строках боль и мука нашей перекорёженной жизни? Он перевёл Гёте иначе. Стихи, нервные и рваные, с анжамбеманом посредине, ближе к оригиналу. Но не в этом главное... Анненский со страхом думал, что его перевод (да, да, с собой можно было не лукавить) сильнее. Он знал цену своим стихам. И постоянно ощущал безразличное отношение к себе, которое уже не тяготило — унижало. Даже Блок, любимый им, талантливейший Блок, написал о нём сухо и безлично. Да что они понимают, эти двадцатилетние судьи? Кто сказал, что в пятьдесят поэт должен быть списан в тираж? А Тютчев? А Фет? А Случевский? Сейчас, когда поезд приближается к Царскосельскому вокзалу, Валя вычитывает «Кипарисовый Ларец». Увидеть бы эту книгу. Подержать в руках. Прямо в глаза бьёт только что вырвавшееся на свободу утреннее солнце. Анненский улыбается ему. Как он радовался каждому

новому году, мечтал встретить ещё одно десятилетие. До него всего год. Господи, многомесячный неподъёмный год, который ему не осилить. Да что год! До него целый месяц. А до этого месяца почти целый день, четырнадцать неповоротливых, громоздких часов. Чёртова прорва минут. И каждая может окантаться последней.

Поезд тормозит. Вот он, вокзал. Пассажиры встают. Медленно идут к выходу. Что ещё остаётся?

Похороны

Толпа собралась изрядная. Валентин стиснул зубы, чтобы не застонать: почти никто из этих людей не знал, даже не догадывался, кого сегодня хоронят. Кто замер в гробу в застёгнутом наглухо учительском мундире.

Неожиданно его тронули за рукав. «Простите, барин, — послышался знакомый голос. — Что же это... Батюшка-то ваш...» «Истопник гимназии» — промелькнуло в мозгу. Валентин Иннокентьевич кивнул и медленно обернулся: рядом стояла Ольга Петровна, глаза её были сухи, рот плотно сжат. Странно: только что он отчётливо слышал стихи. Наверное, померещилось...

ЭССЕ

БРОДСКИЙ: СТЁБ СКВОЗЬ СЛЁЗЫ

Критик стоит обыкновенно вне произведения: он его разбирает и оценивает. Я же писал здесь только о том, что мной владело, за чем я следовал, чему я отдавался, что я хотел сберечь в себе, сделав собою.

И. Анненский. Книга отражений

Иосиф Бродский... Я поздно пришёл к нему, медленно и непросто привыкал к его стихам. Пока не почувствовал их внутри себя. Пока мысли, возникающие при чтении, не стали проситься наружу. Будто Бродский, говоря его же словами, навязал мне себя.

Стёб занимает в поэтике Бродского весьма «почётное» место. Вот целиком построенное на стёбе «Представление». На наших глазах сцена стремительно заполняется кукольными персонажами, от курящего сигарету Пушкина под ручку с «нежным графом» Толстым до Джугашвили-Сталина с троицей последних русских царей. Страшная и бесшабашная русская история подаётся в виде то ли лубочного театра, то ли школьного монтажа.

Входят Мысли о Грядущем, в гимнастерках цвета хаки.
Вносят атомную бомбу с баллистическим снарядом.
Они пляшут и танцуют: «Мы вояки-забияки!
Русский с немцем лягут рядом; например, под Сталинградом».

...

Входит Мусор с криком: «Хватит!» Прокурор скулу квадратит.
Дверь в пещеру гражданина не нуждается в «сезаме».
То ли правнук, то ли прадед в рудных недрах тачку катит,
обливаясь щедрым недрам в масть кристальными слезами.

Поэт показывает изнанку своей бывшей родины. Перед нами огромный, безалаберный концлагерь. Его нынешние обитатели не заслуживают лучшей участи: «содержательные доносы» пишут здесь с пионерского возраста.

Но когда сцена заполнена до отказа, выходит сам автор. И свистопляска обрывается, кривляющиеся куклы исчезают. Потому что Родина бывшей не бывает. Сколько ни перечисляй её пороки, сколько ни издевайся над ними. Она сидит в каждом из нас, как тавро, как клеймо, как родовая травма.

От любви бывают дети.
Ты теперь один на свете.
Помнишь песню, что, бывало,
я в потёмках напевала?
Это — кошка, это — мышка.
Это — лагерь, это — вышка.
Это — время тихой сапой
убивает маму с папой.

Излишне говорить, о чьих родителях эти горькие строки.

А вот якобы классические «20 сонетов к Марии Стюарт»:

Я вас любил. Любовь ещё (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги,
Всё разлетелось к черту, на куски.
Я застрелиться пробовал, но сложно

с оружием. И далее, виски:
в который вдарить? Портила не дрожь, но
задумчивость. Черт! всё не по-людски!

Как и в «Представлении», стёба здесь — в избытке. Поэт как будто издевается над самим собой, над своей незадачливой любовью, одиночеством, неприютностью. А «прелестный истукан» XVI века понадобился, чтобы хоть кому-то это всё высказать. Слово возвратившись на четверть века назад, в «плюшевую утробу» кинозала «Спартак», где он

...видел мальчиком, как Сара
Леандр шла топ-топ на эшафот.

А вот незабываемая венецианская «Лагуна», этот рукопашный поединок с ностальгией, из которого

совершенный никто, человек в плаще,
потерявший память, отчизну, сына...

всё-таки выходит победителем.

«Лагуна», в которой блистательно описан непристойный жест:

Скрестим же с левой, вобравшей когти,
правую лапу, согнувши в локте;
жест получим, похожий на
молот в серпе, — и, как чорт Солохе,
храбро покажем его эпохе,
принявшей образ дурного сна.

Заключительные строки превращают, казалось бы, пародийные стихи, выросшие из стёба, в высокую лирику.

Во всех приведённых примерах стёб лежит на поверхности. Интереснее поговорить о тех случаях, когда стёб — неочевиден. И при этом — необходим.

Вот стихотворение «Дерево», написанное в 1970 году.

Бесмысленное, злобное, зимой
безлиственное, стадии угля
достигнувшее колером, самой
природой предназначенное для
отчаянья, — которого объём
никак не калькулируется, — но
в слепом повиновении своём
уже переборщившее, оно,
ушедшее корнями в перегнутой
из собственных же листьев и во тьму —
вершиною, стоит передо мной,
как символ всепогодности, к чему
никто не призывал нас, несмотря
на то, что всем нам свойственна пора,
когда различья делаются зря
для солнца, для звезды, для топора.

Здесь угадывается автопортрет в преддверии эмиграции. Можно сколько угодно повторять, как счастливо сложилась писательская и человеческая судьба Бродского на Западе, но чудовищного стресса, надлома, разлома ещё не избегал ни один эмигрант. За свободу, за всемирную славу, за Нобелевскую премию, наконец, поэт заплатил сполна. Ранними инфарктами, тоской, неприкаянностью, уходом в 55 лет, в возрасте М. Волошина и Н. Заболоцкого.

Вернёмся к стихотворению. Это странное дерево как бы «предчувствует» свою судьбу и готово к любому её повороту, будь то солнце, звезда или топор. Символ всепогодности — что может быть устойчивей, надёжней, страшней? Ожидать сразу всего. Жить с грузом такого ожидания. На разрыв ствола или сердца...

Ещё одно стихотворение — «Раньше здесь щебетал щегол» — написано в 1983, уже эмигрантом «со стажем».

Раньше здесь щебетал щегол
в клетке. Скрипела дверь.
Чётко вплетался мужской глагол
в шелест платья. Теперь
пыльная капля на злом гвозде —
лампочка Ильича
лётся на шашки паркета, где
произошла ничья.
Знающий цену себе квадрат,
видя вещей разброд,
не оплакивает утрат;
ровно наоборот:
празднует прямоту угла,
жёлтую рвань газет,
мусор, будучи догола,
до обоев раздет.
Печка, в которой погас огонь;
трещина по изразцу.
Если быть точным, пространству вонь
небытия к лицу.
Сука здесь не возьмёт следа.
Только дверной проём
знает: двое, войдя сюда,
вышли назад втроём.

Скрупулёзная точность в деталях, подробнейшее, почти интимное описание комнаты... Кажется, что Бродский и не покидал её. «Ровно наоборот»: никогда в ней не был. Прошедшее отдалено десятилетиями, целой эпохой: ведь сука уже «не возьмет следа», да и «вонь небытия» не возникает за год. Может быть, герои-любовники — это родители поэта, а таинственный третий, появляющийся на излёте последней строки и воскрешающий давно ушедшие предметы — он сам?

На первый взгляд, в обоих стихотворениях стёбом и не пахнет: строгие, скупые мазки, точнейшие рифмы, ослепительные образы. Так ли это? Вчитаемся.

«Дерево»:

...самой
природой предназначенное для
отчаянья, — которого объём
никак не калькулируется...

Объём отчаянья... не калькулируется — это ли не издёвка, ёрничанье, стёб? Всем нам, родившимся на 1/6 земного шара, с пелёнок твердили о первичности материи. В извечном споре физиков и лириков первым всегда отдавалось предпочтение (вспомним хотя бы знаменитое «Физики и лирики» Бориса Слуцкого). Бродский резко возражает: материи без духа — грош цена. Его дерево врезается в память именно тем, что недоступно ни для чего сиюминутного, утилитарного, калькулируемого.

«Раньше здесь щебетал щегол»:

пыльная капля на злом гвозде —
лампочка Ильича
лѣётся на шашки паркета...

Характеристика лампочки Ильича как «пыльной капли на злом гвозде» — уже стѣб. А что она освещает? «Мусор», «рвань газет», «вонь небытия»... Истлевшие реалии конца тридцатых годов.

Теперь обратимся к более крупным формам: «В горах». Плач сына по матери. Беззвучный, загнанный внутрь, скрытый от постороннего любопытства. Боль слишком сильна. Она в подкорке, в мыслях, в каждом движении тела. Во всѣм, что окружает. Пасторальнейший пейзаж, «горный пик, доступный снам», кажется не просто лишним — враждебным. Ощущаешь себя существом, самой природой предназначенным для отчаянья. Удавку боли хочется хоть немного ослабить, разжать. Тут и приходит на помощь стѣб. Сразу, с самых первых строк:

Ты в коричневом пальто,
я, исчадьѣ распродаж.
Ты — никто, и я — никто.
Вместе мы — почти пейзаж.

Кажется, видишь одетого в немыслимые обноски питерского мальчишку, трущегося у ног матери. Сколько ему: семь? пять? Это он-то — исчадьѣ распродаж? Неужели нельзя было написать о себе, любимом, чуть мягче? Но ведь

это не только (и не столько) о себе, сколько о первых мирных годах еле-еле оклемавшегося города. Тут уж не до жиру. Не до костюмчиков из «Детского Мира». Главное — мы вместе. Живые...

А вот в стихотворении появляется Бог. Чем же он занят?

В туче прячась, бродит Бог,
ноготь месяца грызя.
Как пейзажу с места вбок,
нам с ума сойти нельзя.

Подумать только — Бог, грызущий ноготь! Или сам Всевышний превращается в пятилетнего мальчика?

Чем хорош отвесный склон,
что, раздевшись догола,
всё же — неодушевлён;
то же самое — скала.

В этом мире страшных форм
наше дело — сторона.
Мы для них — подножный корм,
многоточье, два зерна.

Удивительно: отвесный склон, раздевшийся догола, человек, как подножный корм для этого самого склона, не воспринимаются как стёб. Поэтический накал переплавляет, перелицовывает всё вокруг: горы, лес, людей, мирозданье. И страшные формы уже не так страшны, если держаться друг за друга,

чувствуя себя одним целым даже не по крови, нет — по сути. Если раствориться друг в друге, как зёрна в посеве, как точки в многоточии. Как ребёнок в матери.

Нас других не будет! Ночь,
струйка дыма над трубой.
Утром нам отсюда прочь,
вниз, с закушенной губой.

...

То не ангел пролетел,
прошептавши: «виноват».
То не бдение двух тел.
То две лампы в тыщу ватт

ночью, мира на краю,
раскаляясь добела —
жизнь моя на жизнь твою
насмотреться не могла.

Время течёт вспять. Нас волоком волокут из крематория, от «струйки дыма над трубой», в морг, где, освещённая невыносимо ярким светом, лежит Мария Моисеевна Вольперт. А Иосиф Бродский, которого нелюди лишили возможности закрыть матери глаза и поцеловать её в последний раз, всё же приходит к ней. Как свет «добела раскалённой» лампы. Потому что жизнь его «насмотреться не могла» на жизнь материнскую. Потому что «ангел пролетел» и попросил прощения. И у сына, и у матери.

Ещё два слова. Стёб у Бродского возникает почти рефлекторно, когда неожиданно сталкиваются разные пласты русской речи. Смысловые границы стиха при этом расширяются, и сам стёб превращается в нечто совсем иное. Светлое, высокое, выстраданное.

Сегодня, когда сплошь и рядом стёб используется только ради стёба, поневоле вспоминаешь времена не столь давние, когда Иосиф Александрович Бродский был нашим современником. Проще: когда он был...

2011

УСТАРЕВАЕТ ЛИ ПОЭЗИЯ? СЛУЧАЙ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА

9 января 2023 года исполнилось сто лет со дня рождения Бориса Чичибабина. К столетию подготовил для публикации в российском альманахе подборку стихотворений поэта. Четыре были забракованы: «Клянусь на знамени весёлом», «Большая черепаха», «Тебе, моя Русь», «Сожаление». Захотелось понять, почему стихи, написанные более полувека назад, стали непроходимыми вновь.

КЛЯНУСЬ НА ЗНАМЕНИ ВЕСЁЛОМ...

Однако радоваться рано —
и пусть орёт иной оракул,
что не болеть зажившим ранам,
что не вернуться злым оравам,
что труп врага уже не зная,
что я рискую быть отсталым,
пусть он орёт, — а я-то знаю:
не умер Сталин.

Как будто дело всё в убитых,
в неизвестно канувших на Север —
а разве веку не в убыток
то зло, что он в сердцах посеял?
Пока есть бедность и богатство,
пока мы лгать не перестанем
и не отучимся бояться, —
не умер Сталин.

Пока во лжи неукротимы
сидят холёные, как ханы,
антисемитские кретины
и государственные хамы,
покуда взяточник заносчив
и волокитчик беспечален,
пока добычи ждёт доносчик, —
не умер Сталин.

И не по старой ли привычке
невежды стали наготове —
навешать всяческие лычки
на свежее и молодое?
У славы путь неодинаков.
Пока на радость сытым стаям
подонки травят Пастернаков, —
не умер Сталин.

А в нас самих, труслив и хищен,
не дух ли сталинский таится,
когда мы истины не ищем,
а только нового боимся?
Я на неправду чёртом ринусь,
не уступлю в бою со старым,
но как тут быть, когда внутри нас
не умер Сталин?

Клянусь на знамени весёлом
сражаться праведно и честно,
что будет путь мой крут и солон,
пока исчадьё не исчезло,
что не сверну, и не покаюсь,
и не скажусь в бою усталым,
пока дышу я и покамест
не умер Сталин!

1959

Стихотворение, возникшее вскоре после XX-го съезда, когда многие поверили, что страна меняется к лучшему. Многие, но не Чичибабин. Да, он был вдохновлён, воодушевлён начавшейся эпохой перемен, но с точностью диагноста определил, почему перемены провалятся. Чичибабинский Сталин — воплощение абсолютного зла, реинкарнация Сатаны. Источник лжи и страха, хамства и кретинизма, подлости и невежества. Но признаки сталинизма, о которых речь в первых строфах — ещё цветочки. Самое страшное, что идеи тирана проникли в генофонд народа, изуродовали его суть. «Сталинский дух», «труслив и хищен», «таится» «внутри нас», обрекая «в бою со старым» на неминуемое поражение. Заключительные строфы делают внешнюю, решаемую проблему, проблемой внутренней, не познанной до конца, экзистенциальной. Поэт отрывается от своего времени, чтобы увидеть русскую историю во всей наготе и безысходности.

«Исчадьё» ада, которое тогда, казалось, можно вытравить из народной души, продолжает «править бал». Чичибабин боролся с ним до последнего вздоха. Увы, безуспешно: «эффективный менеджер» — одна из опор нынешнего российского режима. Его придворные историки добираются до того, что объявляют Сталина святым. Неплохую карьеру сделал тифлисский семинарист: сам Воланд позавидует. Разумеется, его сторонники не желают видеть чичибабинские строки. Потому что не в бровь, а в глаз.

* * *

Большая черепаха —
ползучая эпоха,
смотри: я — горстка праха,
и разве это плохо?

Я жил на белом свете
и даже был поэтом, —
попавши к миру в сети,
раскаиваюсь в этом.

Давным-давно когда-то
под песни воровские
я в звании солдата
бродяжил по России.

Весь тутошний, как Пушкин
или Василий Тёркин,
я слушал клёп кукушкин
и верил птичьим толкам.

Я — жрец лесных религий,
мне труд — одна морока,
по мне, и Пётр Великий
не выше скомороха.

Как мало был я добрым
хоть с мамой, хоть с любимой,
за что и бит по рёбрам
судьбиной, как дубиной.

В моей дневной одышке,
в моей ночи бессонной
мне вечно снятся вышки
над лагерною зоной.

Не верю в то, что руссы
любили и дерзали.
Одни врали и трусы
живут в моей державе.

В ней от рожденья каждый
железной ложью мечен,
а кто измучен жаждой,
тому напиться нечем.

Вот и моя жаровней
рассыпалась по рощам.
Безлюдно и черно в ней,
как в городе полнощном.

Юродивый, горбатенький,
стучусь по белу свету —
зову народ мой батенькой,
а мне ответа нету.

От вашей лжи и люти
до смерти не избавлен,
не вспоминайте, люди,
что я был Чичибабин.

Уже не быть мне Борькой,
не целоваться с Лилькой,
опохмеляюсь горькой.
Закусываю килькой.

1969

Прошло десять лет после клятвы «на знамени весёлом» — и от надежд на перемены не осталось следа. Чичибабин винит в этом... самого себя. «От рожденья» меченный «железной ложью», он попал «к миру в сети» — и не смог остаться самим собой. Россия, где «судьбина, как дубина», неустанно дубасит «по рёбрам», сродни «лагерной зоне», вышки над которой не покидают сны поэта. Беда в том, что «рус-

сы» — «врали и трусы», неспособные ни любить, ни дерзать. Поэт не верит, что от российской «лжи и люти» можно избавиться, что его народ вспомнит о нём, что ответит на зов.

И вновь, «и в дневной одышке», и «в ночи бессонной» — вневременной взгляд, видящий и свой народ, и себя, его кровинку, без малейших иллюзий, насквозь. «Юродивый, горбатенький», стучащийся «по белу свету» поэт обречён потерять всё, даже имя. Но надежда на великое российское грядущее ещё жива в нём. Надолго ли? Чичибабин смотрит своей «Руси» в глаза — и получает ответ.

* * *

Тебе, моя Русь, не Богу, не зверю —
молиться молюсь, а верить — не верю.

Я сын твой, я сон твоего бездорожья,
я сызмала Разину струги смолил.
Россия русалочья, Русь скоморошья,
почто не добра еси к чадам своим?

От плахи до плахи по бунтам, по гульбам
задор пропивала, порядок кляла,—
и кто из достойных тобой не погублен,
о гулкие кручи ломая крыла.

Нет меры жестокости и бескорыстью,
и зря о твоём же добре лепетал
дождём и ветвями, губами и кистью
влюблённо и злыдно еврей Левитан.

Скучая трудом, лютовала во блюде,
шептала арапу: кровцой полечи.
Уж как тебя славили добрые люди:
бахвалы, опричники и палачи.

А я тебя славить не буду вовеки,
под горло подступит — и то не смогу.
Мне кровь заливает морозные веки.
Я Пушкина вижу на жжёном снегу.

Наточен топор, и наставлена плаха.
Не мой ли, не мой ли приходит черёд?
Но нет во мне грусти и нет во мне страха.
Прими, моя Русь, от сыновних щедрот.

Я вмерз в твою шкуру дыханьем и сердцем,
и мне в этой жизни не будет защит,
и я не уйду в заграницы, как Герцен,
судьба Аввакумова в лоб мой стучит.

1969

Почему Руси нельзя верить? «Россия русалочья, Русь скоморошья / почто не добра еси к чадам своим»? «Еврей Левитан», великий русский художник, прославлял родину «дождем и ветвями, губами и кистью», трудясь «влюблённо и злыдно». Левитановское «лепетанье» ушло «зря», дело жизни творца пропало. «Блуд», заменивший «труд», жестокость без меры, всегдашний российский бардак — «от плахи до плахи по бунтам, по гульбам»... «уж как тебя славили добрые люди: / бахвалы, опричники и палачи». Те самые «бахвалы, опричники и палачи», которые заправляют РФ и в новом веке. Их страна — не мать своим детям, даже не мачеха: палачиха, бессмысленно проливающая «на жжёный снег» кровь своих лучших сыновей. Но в Чичибабине, готовому к гибели за родную Русь, нет ни «грусти», ни «страха». Даже когда «наставлена плаха» и «приходит черёд». Может ли любящий сын «от сыновних щедрот» проклясть мать? Может. Такую мать — такой сын — может. «Вмерзнув» к её волчьей «шкуре» «дыханьем и сердцем». Не уходя, «как Герцен», ни в какие «заграницы»,

принимая «стучащую в лоб» «Аввакумову судьбу». Беззащитен ли поэт перед «наточенным топором»? Ещё остаётся вера в собственный дух, собственный талант, собственную честь. Неужели и эта вера — самобман?

СОЖАЛЕНИЕ

Я грех свячу тоской.
Мне жалко негодяев —
как Алексей Толстой
и Валентин Катаев.

Мне жаль их пышных дней
и суетной удачи:
их сущность тем бедней,
чем видимость богаче.

Их сок ушёл в песок,
чтоб, к веку приспособясь,
за лакомый кусок
отдать талант и совесть.

Их светом стала тьма,
их ладом стала заметь,
но им палач — сама
тревожливая память.

Кто знает, сколько раз,
возвышенность утратив,
в них юность отеклась
от воздуха и братьев.

Как страшно быть шутом
на всенародных сценах —
и вызывать потом
безвинно убиенных.

В них роскошь языка —
натаска водолея —
судила свысока
Платонова Андрея.

(О нём, чей путь тернист,
за чаркою растаяв,
«Какой же он стилист?» —
обмолвился Катаев.)

Мне жаль их всё равно.
Вся мера их таланта —
известная давно
словесная баланда.

Им жарко от наград,
но вид у них отёчен,
и щёки их горят
от призрачных пощёчин.

Безжизненные пни,
разляписто-убоги,
воистину они —
знамение эпохи...

Я слёзы лью о двух,
но всем им нет предела,
чей разложился дух
скорей, чем плоть истлела

и умерло Лицо,
себя не узнавая,
под трупною лентой
льстеца и красная.

1969

Перед нами — покаяние поэта за бесчисленных писателей-приспособленцев, чьим «светом стала тьма», чей «сок ушёл в песок», чтобы «за лакомый кусок отдать талант и совесть». Эти «безжизненные пни» в России, тем не менее, «знамение эпохи». «Воистину», любой эпохи. Скажем, сегодня Алексея Толстого зовут Никита Михалков. Столбовой дворянин. Ни внешними данными, ни талантом отнюдь не обижен. И столь же откровенно прислуживает власти, как его предшественник — «красный граф». Однако при роскошной «видимости» и сталинский, и путинский холуи обречены: «вся мера их таланта — / известная давно / словесная баланда». Сама «тревожливая память» эпохи выносит «льстецам и краснобаям» смертный приговор. Хотя «всем им нет предела, / чей разложился дух, / скорей, чем плоть истлела». И «Лицо» русской литературы, «себя не узнавая», умирает.

Что ж, всё кончено? Отнюдь. Слезы поэта, горчайшее покаяние за чужую (нет: за всеобщую) вину — залог будущего возрождения русского слова, неизбежной победы света над торжествующей сегодня тьмой. Да, нынешние поборники мрака, якобы защищая «признанных классиков», не желают слушать чичибабинскую проповедь. Ведь поэт писал и о них, оплакивал их трусость, ничтожность, убожество. Убожество временщиков, опустошённых собственным безличием.

Чичибабинские стихи не могут устареть: в них отражена глубинная, корневая суть русской поэзии. Голос поэта слышит каждый, не лишённый слуха. Тот читатель, для кого он творил. За кого умирал в далёком декабре 1994-го.

ПОЭЗИЯ

**Избранные
стихотворения**

(1978–2024)

ЗАБОР

Что за детское горе?
Хочешь плакать — слова не нужны.
Ты сидишь на заборе,
Рвёшь себе потихоньку штаны.

Забирайся повыше,
Отдохни от ребячьих обид.
Ветер звёзды колышет,
Кроме зада, нигде не болит.

Что за детская шалость?
Сколько лет просвистело с тех пор...
Посмотри, что осталось —
Островерхий железный забор.

Лязгу времени вторя,
С каждым мигом сгущается тьма.
Ты сидишь на заборе,
Смотришь в небо и сходишь с ума...

2004

ЛЕСТНИЦА

Луч, забрызганный тенью,
Появился, пропал,
Полоснув по ступеням,
Уходящим в подвал.

Удержаться не в силах,
Ты бежишь что есть сил,
Не держась за перила,
Не касаясь перил.

.....

Ну, кузнечик, доволен?
Наскакался вполне?
Опоясанный болью,
Ты лежишь на спине.

Эх, ступени, ступени,
Кто ж лежачего бьёт?
Поднимайся: паденье —
Лишь расплата за взлёт...

2004

* * *

Шорохов нет и в помине,
Только мотор дребезжит...
Ночь. Посредине пустыни
Медленно движется джип.

Притормози наудачу,
Выйди на вольный простор.
Кажется, прошлое прячут
Камни разрушенных гор.

Кажется, жизни начало —
Брызги на Млечном Пути.
Только что время стояло
Здесь, но успело уйти.

2005

* * *

Как много открыто слепому...

А. Кронгауз

В час, когда, забывая ненужную зрячесть,
Смотришь слепо и мудро,
В этот медленный час, озираясь и прячась,
Просыпается утро.

В час, когда отыскать в стоге сена иголку
Станет проще простого,
В этот медленный час меж собакой и волком
Просыпается слово.

2006

МУЗЫКА

А. Р.

Что тебе надобно, счастье,
Чтобы остаться со мной?
Двери, раскрытые настезь,
Ветер, сдувающий зной,
Стойте, не двигайтесь: где-то
Сердце теснится в груди,
Там, на пороге рассвета,
Целая жизнь впереди;

Там, где в мелодиях струнных
Бродит хмельной беспредел
Двух не по возрасту юных,
Настезь распахнутых тел.
Утренний сумрак, а рядом —
Тающий морок ночной...
Что же ещё тебе надо,
Чтобы остаться со мной?

2006

МИХОЭЛС В РОЛИ КОРОЛЯ ЛИРА

С. В.

От портрета на стене
Словно время откололось,
И откуда-то во мне
Пробудился певчий голос:
Я пою, больной и голый,
Пленник в собственной стране —
Феерическое соло
На расстроенной струне.

Задрожат виски от боли —
Упадёт венец со лба...
Песня, что ж ты так слаба?
Замолкаю поневоле.
Умирать по ходу роли —
Королевская судьба...

2007

* * *

Тут на пять остановок вперёд
Не найдётся свободного места.
Хоть Мессия в автобус войдёт,
Кто посмотрит на пришлого, вместо
Них взвалившего брошенный мир
На свои заскорузлые плечи?
Им не нужен реальный кумир.
Нужно лишь ожидание встречи.

2007

* * *

Мы по-детски доверчиво спали.
Неожиданно рядом возник,
Никому не мешая вначале,
То ли свет, то ли звук, то ли миг.

Все мгновения сцеплены были,
Но одно из них выпало вдруг
И растаяло облачком пыли:
То ли миг, то ли свет, то ли звук.

Было что-то спросонья задето,
Чему даже названия нет.
На полях сновиденья помета:
То ли звук, то ли миг, то ли свет.

2007

ЧАЙКА НАД ТЕМЗОЙ

А. Р.

Проснуться от всхлипа
Разбитой о камень волны.
Поёжившись, всыпать
Горсть крика в раствор тишины.

Почти без усилья,
Наполнив редющей мглой
Затёкшие крылья,
Подняться над спящей землёй.

Почувствовать тяжесть
Колючей воздушной струи,
Которая свяжет
Силками движенья твои.

Растерянно бросить
Невидящий взгляд в темноту —
И первую просинь
Случайно задеть на лету...

2007–2008

ВОСПОМИНАНИЕ О МАСТЕРЕ

Михаилу Булгакову

Этаж полуподвальный. Слюда косит понуро.
От муторного эха хоть уши затыкай.
Все двери нараспашку. Привет, литература!
Обитель привидений. Забытый Богом край.

Пустая керосинка. Всё выжжено до капли.
Едва хватило света, чтоб дописать роман
О поколенья нищих, чей отчий дом разграблен,
Чьей памятью увечной обет молчанья дан.

Слова ложатся густо, как семена в посеве,
Которых не пугает соседство Сатаны,
Каифы и Пилата. Довлеет злоба дневи.
Полуночные тени под утро не видны.

Блуждая по квартире, гость ищет постояльцев,
Как будто бы их жизням не подведён итог,
А время час за часом стекает между пальцев
И, ткнув иголкой в сердце, уходит из-под ног.

1978–2008

ЯЗЫК

Судный день на исходе. Минуты стекают во тьму.
Наконец-то подняться могу над словами моими,
И, семь раз повторяя запретное, в сущности, Имя,
Как ребёнок, набегавшись всласть, возвратиться к Нему.

Я смотрю на Него, приоткрывшегося. Ни к чему
Ждать ответного жеста. Наверное, между родными
Всё понятно и так. Удивлённый, я в толк не возьму,
Что за сила меня развернёт, опрокинет, поднимет...

Неподвластная голосу. Внятная только письму.

2008

ЛИСТ

Держался из последних сил.
Лишь на отрыве попросил
Не отпускать его. Так просят,
Прощаясь... Снова дождь вломил.
Он каждой жилкой ощутил,
Как задрожала ветка. Осень

Не церемонилась. С трудом
Он разглядел свой прежний дом
На расстоянии. Снаружи.
Залитый муторным дождём,
Тот падал и терялся в нём,
Как рябь посередине лужи.

2009

КАЧЕЛИ

А. Р.

Мы рассуждаем в центре Тель-Авива
О пушкинской «Истории Петра»,
Как будто временная перспектива —
Прилипчивая детская игра,

Раскачанные памятью качели,
Которые по времени скользят.
И нас толкают башни Азриэли¹ *,
Переноса на триста лет назад.

...Морским узлом завяжется минута.
На бордаж пойдёт российский флот.
И нас толкают паруса Гангута,
Переноса на триста лет вперёд.

2009

---

¹ Тель-авивские небоскрёбы.

КАНУН

Письмо отправлено. Уже
Запущен механизм дуэли.
Как проститутка неглиже
Спешит к разобранной постели,
Так он спешит под пистолет,
Чтоб успокоиться навеки.
Где выход, ежели поэт
Не уместился в человеке?
Приходится платить сполна
За каждый грех на белом свете,
Пока не грянут времена
Куда паскуднее, чем эти,
Пока в затылок дышит стих,
Пока в руке — шальная карта.
Игрок стоит, угрюм и тих,
Вдыхая пагубу азарта.

2009–2010

СПРОСОНОК

Проснуться ночью — и увидеть солнце
На стыке яви, морока и бреда,
Несущего по мигам, как по кочкам,
Невесть зачем схватившего за фалды
Выскальзывающее сновиденье...
Как ярко освещён, как светел угол
Моей неприбранной и тусклой спальни!

2010

* * *

«Поехали по небу, мама...»

Д. Новиков

Сон, траченный светом, расползся уже,
А ты, оступаясь, бредёшь по меже,
И, кажется, в это мгновенье
Становишься собственной тенью.

Простым отраженьем видений своих,
Поспешно входящих в разорванный миг,
Лоснящийся, рыхлый, как вата, —
Без смысла и без адресата.

Держись за него, пока он не исчез,
Уже без надежды и памяти без,
Цепляйся руками, ногами,
Туманом, лучом, облаками.

Проклятое утро! Хоть смейся, хоть плачь —
Естественнейшая из всех неудач.
Кричи, задыхаясь в неволе:
«Поехали по небу, что ли...»

2010

ЖУРАВЛИНОЕ

А. Р.

Ты послушай молитву птичью
На веранде родного дома:
Как натужно они курлычут,
Будто лёгкость им незнакома,

Будто за расставаньем длинным
Не случается возвращенье —
И белеющим нежно клином
Не окрасится день весенний.

2011

ТАШКЕНТ. 1943

«Удивительный мальчик! Вылитый Марин Цветаев».

С. Эфрон, 1925

«Я всё глубже проваливаюсь в пустоты мрака».

Г. Эфрон, 1943

Нелепый мальчик, выпихнутый в мир,
Ест непрерывно: организм растущий
Нельзя насытить. Пища — ориентир,
Иные мысли — побок. А пуще
Всего — проевший душу едкий страх
Воспоминаний. Сын спешит туда же,
Куда спешила мать. Всё глубже мрак,
Всё неотвязней — голод. На продажу
Он ставит стопку материнских книг
И выручку в охотку проедает.
...Не гибель ли твоя ведёт дневник
Несостоявшийся Марин Цветаев?

2011

ВСПОМИНАЯ ЭКЗЮПЕРИ

Растрескавшиеся следы —
Ботинки казённые грубы.
Последняя капля воды
Поранит солёные губы.

Шатаюсь, брести на восток
По самой безлюдной планете,
В ноздрях — раскалённый песок,
В ушах — обжигающий ветер,

В глазах — пеленой — миражи,
И путь к ним, по счастью, нетруден...
А в глотке моленьем о чуде
Топорщится жизнь.

2011

ДОРОГА

Иннокентию Анненскому

Казалось —
    проходим усталым
Бредёшь в направленья вокзала.

Вокзал.
    Измотавший все силы,
Бредёшь в направленья могилы.

Могила.
    Счастливчик: теперь-то
Бредёшь в направленья бессмертья.

Бессмертье.
    Его не хватало
На скользких ступеньках вокзала...

2012

* * *

Слова, предписанные свыше,
Как будто под наркозом слышу.
Как будто слышу поневоле
Слова, знакомые до боли.

2012

ДВА ПОСВЯЩЕНИЯ О. М.

Передышка

Свалилось на голову счастье:
Считай, четыре года впрок.
Случись обыкновенный мастер
Взамен поэта, тот бы смог
Отбарабанить на потребу
Дня подходящие слова...
Но мастером ты сроду не был —
И под сурдинку петь едва
Умел. Щелкунчик-пустомеля,
Весь век прощёлкав для души,
На вшивой лагерной постели,
Пока не захрипишь, пляши!

Перекличка

«...не спрятаться мне от великой муры»

1931

От великой муры не убраться во тьму,
Под защиту последнего сна,
Ни помех для неё, ни препон — потому,
Что всеведуща нынче она;
Что отыщется враз стиховед-доброхот,
Разумеющий в жизни твоей,

Что её ненавязчиво перетрясёт
До помеченных ордером дней;
Что построит в затылок колонну стихов
И погонит служить палачу...
От вселенской муры лезть на стенку готов.
Выть по-волчьи. Но лучше — смолчу.

2012

* * *

Неделя начинается дождём,
Стекающим с насуспенного неба,
А мы, как заводные, снега ждём,
Хрустящего рождественского снега,
Хоть в палестинах наших его нет
Ни в декабре, ни в январе, ни в марте.
...Лишь в мартобре повсюду валит снег
В стране, не обозначенной на карте.

2013

* * *

Со смерти всё и начинается...

Л. Мартынов

Необратимый миг
Разорван поперёк:
Старушечий ли вздох,
Младенческий ли крик —
У жизни он велик,
У смерти он высок.
Начало, ты итог,
Который не постиг:
Прикушен мой язык.

2016

* * *

Три месяца — как день один.
Какая чушь, что время лечит!
По-прежнему пригнуты плечи,
А чувства ломки вроде льдин
При ледоходе, ледоставе...
Что отменить сегодня вправе
Души замёрзшей карантин?

Три месяца — как день один.
В тумане мысли и поступки,
Толчешь, как будто воду в ступке,
Недели с днями. Из картин
Былого вычленяет память
Людей, что раньше были нами,
В чьих снах ты нынче властелин.

На день. На час. На миг один.

2016

* * *

Маме

Мы сегодня с тобой вдвоём
По дороге ночной идём,
Через смерть переходим вброд,
А дорога стремится вперёд.

Мы молчим. Тишина вокруг.
Как тепло от касанья рук,
От несказанных нами слов.
Рассветает. День свеж и нов.

2016

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Что тебе снится, малыш,
Вечером, ночью и днём?
Ты заразительно спишь
В крохотном царстве своём,
Будто мелодия сна
Радостью напоена.

Этот нехитрый мотив
Не устаю напевать.
Как ты лежишь, обхватив
Царское ложе — кровать!
Жаль, что улыбка во сне
Не предназначена мне...

2017

ДВОЙНЯШКИ

Как украшает каждый шаг,
Когда они наперечёт,
Когда ещё неведом страх:
Жизнь не летит и не течёт —
Она растёт, как на дрожжах,
Годам и дням не зная счёт...

Как разрушает каждый шаг,
Когда они наперечёт,
Когда уже неведом страх:
Жизнь не летит и не течёт —
Она сбегает впопыхах,
Оставив без оплаты счёт...

2017

РЕПЛИКА

Стихи рождаются мгновенно.
А что за ними — вот вопрос:
Чернила или кровь из вены
Ты на бумагу перенёс?

И что твои потуги значат,
Калиф на миг, калиф на час...
«Цель творчества — самоотдача»?
При Пастернаке. Не при нас.

2017

ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ

Когда поношенное тело
Приобретает прежний вид
И на тебя глядит несмело
Полузнакомый индивид,
Остановись и поразмысли,
Коль вам столкнуться довелось,
Какие копошатся мысли
Под шапкой вьющихся волос;
Чем индивидуум озабочен,
О чём вздыхает по ночам...
Тебе, наверно, странно очень
Осознавать, что он — ты сам.
Вали отсюда поскорее,
Пока целёхонек, пока,
Косящему под старика,
Тебе не надают по шее.

2019

ГЕНРИК ГОЛЬДШМИДТ¹

Старый еврей, навсегда возвратившийся в детство,
Жить не желая ни дня без любимых сирот,
Что он оставил сегодняшним детям в наследство
В мире, где гадостной взрослости неворот?

Старый еврей, освятивший последним отказом
Жизнь после смерти как свет, исходящий с небес,
Что он шептал в душегубке, сочащейся газом,
Тем, кто ещё мог услышать? В сознание и без...

Старый еврей... Не прикрыться уже псевдонимом:
Слитый с обложками ввек нестареющих книг,
Он проплывает над родиной лагерным дымом —
Польский двойник.

2021

---

¹ Настоящее имя Януша Корчака.

АВГУСТ

Здесь хвоей пахнет рослый клён,
Сосна — кленовою листвою,
И океан, приворожён,
Шумит, как лес над головой.

Вобрав вчерашнюю жару
И в ожиданье перемен,
Он ровно дышит поутру
В благословенном штате Мэн.

2021

ДНЕПР. 14 ЯНВАРЯ 2023

Поберегись, китайская стена¹,
Пока ещё сирена не слышна,
Пока ещё стоят твои дома,
Пока ещё день не сошёл с ума,
Пока ещё не рухнул твой подъезд,
Пока ещё в квартирах и окрест —
Пока ещё — не спала пелена —
Поберегись, китайская стена...

2023

---

¹ Квартал домов, разрушенный российской ракетой.

СОНЕТ ОТТУДА

Что на выходе? Выпасть в осадок
Несуразных, прилипчивых дней.
Стать одной из случайных закладок
Книги будней. Закрытой. Твоей.

В ней по-прежнему шастает время
По нетронутым белым листам
С заморочками, кляксами теми,
Что казались приметными там.

Жизнь насмарку. До мига — насмарку,
До истёртого старостью дна.
Даже слово сегодня — помарка,
Блажь, которой копейка цена.
Этим вдохам и тесно, и жарко,
В этих выдохах дрожь и вина.

2023

* * *

Диагноз твой: израильский еврей.
Иль украинский. Выбери любое
Из двух обозначений. Поскорей —
Покамест время двери не закроет
В той камере, что названа судьбой,
Где только от сирены до сирены
Ты кажешься себе самим собой,
А не букашкой, что протяжный вой
Вминает в покорёженные стены.

Повсюду, где идёт твоя война,
Ты лишь мишень, приманка для ракеты.
И даже если песня не допета,
Жизнь осмотрелась — и ушла. Одна.

2023

* * *

Ты вспомнишь о своём народе?
Когда?
Пока меж нас кругами ходит
Беда,
Скажи хоть слово, полуслово,
Хоть рот
Открой на миг. Внимать готовы.
Народ...

2023

ИЗРАИЛЬ

Страна родная, чем ты провинилась?
Сменила Божья кара Божью милость?
Сбылась надежда — или испарилась...

Мы здесь живем и в радости, и в боли.
Зачем ты собирал нас? Для того ли,
Чтоб варвары на фарш перемололи?

Ночь искупленья. Утро без рассвета.
Молчат скрижали нашего Завета.
Да, виноваты... Но казнить за это?

2023

РЫЖИК

Кфиру Бибасу

Ты слышишь меня, малыш?
Туда, где сейчас ты спишь,
Не всякий проникнет звук —
Лишь сердца тревожный стук
Раздвинет твою тюрьму.
Покрепче к груди прижму,
Погрею. Застывший взгляд —
Там слёзы стеной стоят...

2023

* * *

Хотя бы мысль спаси и сохрани.
Язык родной, ты разве виноват,
Что эти искупительные дни
Из грязи, непотребства состоят,

Что миром заправляют дикари,
Ублюдки в масках водят карнавал.
А ты зачем-то пыжишься внутри
Занывать душу? Разве ты не знал,

Что прячешь пересортицу, хламьё,
Что ей нигде сегодня места нет...
И ежели зависишь от неё,
То просто мастодонт. Физкульт-привет!

2024

ДВУСТИШИЕ

Тютчев ошибся, как он ни велик:
Верить в Россию нельзя. Ни на миг.

2024

* * *

Игорю Гитину

Уйти за миг, не вспомнив ни о чём,
Исчезнуть вспышкой гаснущего света...
А мы, осиротев, не разберём,
Что это было... Да и было ль это?

Что память... В ней ты смотришь не спеша
Из ниоткуда — или отовсюду,
Там, где за нас цепляется душа
Твоя, взлетая. Ей мешать не буду.

2024

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Балтин. Вариант жизни 5

ПРОЗА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Короткие рассказы

Полёт	11
Картина	14
Медаль.....	16
Зимнее время.....	18
Коляска	21
Взгляд.....	24
Пауза.....	26
Волнорез	27
Журавлёнок.....	28
Возвращение.....	30
Приглашение.....	31
Последняя	33

ВОРОНКА

Рассказы

(2010–2015)

Встреча	37
Инфаркт	40
Воронка.....	43
Попытка родословной (<i>отрывки</i>).....	49
Вариант.....	60
Стройотряд.....	69

ЗВОНОК

Рассказы о Семёне
(2012–2015)

Только один день	83
Звонок	90
Милашка	102
Интервью	107

ПРАЗДНИК. ПАМЯТИ МАТЕРИ

Стихотворения в прозе

(Июнь 2016 — январь 2017)

Чёрный июнь. Триптих	111
Галочка	114
Маменькин сынок	116
Прогулка	118
Парк	120
Правнук	121
Праздник	123
Данте Алигьери	124
Никур	125
Жемчужина	127
Двуликий Янус	128

ВСПЫШКИ: ФАНТАЗИИ О ВРЕМЕНИ

Блок: 1921. Приговор	131
Мандельштам: 1937. Газета	134
Мандельштам: 1937. Письмо	138
Цветаева: 1939. Отъезд	141

Царскосельский вокзал. *Маленькая повесть*

Прошение.....	144
Ученик.....	145
Жена.....	146
Невестка.....	148
Сын.....	149
Поезд.....	151
Похороны.....	152

ЭССЕ

Бродский: стёб сквозь слёзы.....	155
Устаревает ли поэзия? Случай Бориса Чичибабина.....	165

ПОЭЗИЯ

Избранные стихотворения
(1978–2024)

Забор.....	177
Лестница.....	178
«Шорохов нет и в помине...».....	179
«В час, когда, забывая ненужную зрячесть...».....	180
Музыка.....	181
Михоэлс в роли короля Лира.....	182
«Тут на пять остановок вперёд...».....	183
«Мы по-детски доверчиво спали...».....	184
Чайка над Темзой.....	185
Воспоминание о Мастере.....	186
Язык.....	187
Лист.....	188
Качели.....	189
Канун.....	190
Вопрос Гаспарову.....	191
Спросонок.....	192

«Сон, траченный светом, расползся уже...»	193
Журавлиное	194
Ташкент. 1943	195
Вспоминая Экзюпери.....	196
Дорога.....	197
«Слова, предписанные свыше...».....	198
Два посвящения О. М.	
Передышка	199
Перекличка	199
«Неделя начинается дождём...»	201
«Необратимый миг...».....	202
«Три месяца — как день один...»	203
«Мы сегодня с тобой вдвоём...»	204
Колыбельная.....	205
Двойняшки.....	206
Реплика.....	207
Через сорок лет	208
Генрик Гольдшмидт	209
Август.....	210
Днепр. 14 января 2023	211
Сонет оттуда	212
«Диагноз твой: израильский еврей...»	213
«Ты вспомнишь о своём народе?...».....	214
Израиль	215
Рыжик.....	216
«Хотя бы мысль спаси и сохрани...»	217
Двустушие	218
«Уйти за миг, не вспомнив ни о чём...»	219

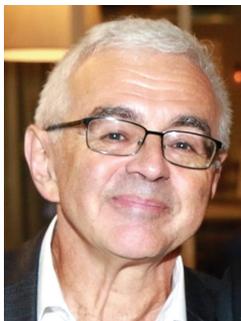
Літературно-художнє видання
СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Борис Суслевич
ВАРИАНТ.
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84_{1/16}. Наклад 100 прим. Зам. №2946
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 14
Гарнітура «Arial Narrow».
Підписано до друку 10.05.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл.,
м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Борис СУСЛОВИЧ родился в 1955 г. в Днепропетровске. Окончил мехмат ДГУ, программист. С 1990 года живёт в Холоне, пригороде Тель-Авива. Много лет работал по специальности. Стихи и проза публиковались в журналах «Крещатик», «Новая Юность», «День и Ночь», «7 искусств», иерусалимском альманахе «Огни столицы» и др. Автор четырех книг.

«Какое счастье, что сны сразу не сбываются. И ему не шестьдесят или сколько там натикало, а сорок пять. Ежу ведь известно, что главное состояние: непрожитая жизнь. Каждый ребёнок богат несусветно, только что он понимает в этом! А когда поживёшь, поистратишься... Уж так мы устроены: ценим то, чего нет. Ну ладно, что философствовать с закрытыми глазами... Поспи лучше, умник. И пусть во сне тебе будет поменьше годиков. Перед глазами промелькнули лица детей: уходя, он на секунду заскочил в их комнату. У них ещё всё в перспективе. Миллионеры... Нет уж, лучше спать без снов, оставаясь там, куда занесло время. Его личное время. Которое не выбирают...»

ДРУКАРЕВСКИЙ ДВЕР
ОЛЕГА ОВЕДОРОВА

